

Дорогу новому, передовому!

В течение нескольких дней боевой штаб нашей партии — это Центральный Комитет глубоко и всесторонне обсуждал на своем пленуме важнейшие задачи, стоящие перед страной. Большое внимание было уделено вопросам работы промышленности, технического прогресса, улучшения организации производства. Принятое пленумом постановление по докладу тов. Н. А. Булганина представляет собой развернутую программу дальнейшего мощного подъема социалистической промышленности СССР. Эта программа открывает широчайший простор для творческой инициативы масс, для смелых творческих дерзаний наших новаторов производства, техников, инженеров, ученых. От начала до конца она пронизана духом борьбы за новое, передовое, против самоуспокоенности, косности, рутинности.

Успехи нашей промышленности за последние годы беспорядны и значительны. Они являются результатом последовательного и неуклонного претворения в жизнь заветов В. И. Ленина и продолжателя его дела — И. В. Сталина о всемерном развитии и укреплении индустриальной мощи нашего государства. Мы радуемся тому, что по общему плану промышленного производства пятая пятилетка выполнена досрочно — к 1 мая нынешнего года. Это большая победа советского народа. Мы радуемся успешному ходу строительства грандиозных электростанций на Волге и реках Сибири, освоению новых машин, непрерывному повышению уровня механизации тяжелых и трудоемких работ в важнейших отраслях промышленности.

Но как бы значительны ни были наши успехи, они не должны породить у нас чувства самоуспокоенности и зазнайства, стремления почивать на лаврах. Партия зовет нас вперед, к завоеванию новых высот в развитии нашей промышленности, и прежде всего в развитии тяжелой индустрии как главной, ведущей отрасли народного хозяйства, фундамента всей социалистической экономики, основы неуклонного подъема благосостояния народа и укрепления оборонной мощи страны. Партия напоминает нам указания великого Ленина, учившего «...не довольствоваться тем уровнем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно большего, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве».

Мы живем в век бурного развития науки и техники, когда открыты методы получения и использования внутратомной энергии. В нашей стране осуществляется непрерывное техническое совершенствование промышленности, транспорта, строительства и сельского хозяйства. Но в некоторых отраслях производства в деле технического прогресса имеются и серьезные недостатки. Советские люди не могут мириться с тем, что в результате слабого руководства со стороны министерств работами по созданию новых машин, механизмов, приборов и аппаратов, новых видов материалов и прогрессивной технологии, в результате зазнайства и самоуспокоенности многих руководителей работников промышленности, потери ими чувства ответственности за порученное дело новая техника в целом ряде случаев внедряется в народное хозяйство медленно, неудовлетворительно.

Наш народ не может мириться с тем, что некоторые отраслевые научно-исследовательские институты оторваны от производства, стоят в стороне от решения главных задач развития техники. Не переведено еще в стенах этих институтов люди, годами не дающие никакой научной продукции, люди без творческого горения, без должного размаха и инициативы, случайные в науке люди. У некоторых работников сложилось совершенно неправильное отношение к изучению достижений науки и техники в других странах. Эти работники считают, что изучать зарубежный опыт им не к чему. На деле такие люди чуждыми фразами прикрывают свое невежество.

Нельзя мириться и с тем, что замечательный опыт наших передовых рабочих-новаторов, показывающих образцы высокой производительности и высокой культуры труда, недостаточно обобщается и распространяется. Сколько еще таких случаев, когда деловая, серьезная работа о широком распространении опыта того или иного новатора подменяется парадной суетой и шумихой. Как часто еще профессорские организации предприятий занимаются лишь отдельными новаторами или небольшими группами передовых рабочих и забывают основную массу участников социалистического соревнования, забывают тех, кто ретает своей работой выполнение производственного плана.

На любом предприятии, в любой отрасли промышленности есть свои рационализаторы и изобретатели и число их растет, как говорится, не по дням, а по часам. За один только прошлый год в нашей стране было внедрено в производство более 900 тысяч рационализаторских предложений, изобретений и технических усовершенствований. И в то же время сколько предложений застряло в дребящих канцеляриях, осталось неразделанными по вине бюрократов, равнодушных людей! На Всесоюзном совещании работников промышленности товарищ Н. А. Булганин подчеркнул, что без освоения отдельных наших конструкторов и научных работников

говорят: легче изобрести машину, чем ее внедрить. Для внедрения требуется огромная пробивная сила, а не всякий изобретатель и конструктор такой силой обладает.

Пленум Центрального Комитета КПСС призвал работников промышленности, деятелей науки и техники настойчиво бороться со всем, что мешает делу технического прогресса, решительно и смело устранять все и всякие помехи, двигать вперед социалистическое производство, всегда стоять на уровне новейших достижений мировой науки и техники.

В широких масштабах будут развернуты научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы по созданию и внедрению новой техники. Намечается техническая реконструкция действующих заводов и фабрик с тем, чтобы заменить устаревшее оборудование современным, более производительным, а также модернизировать установленное оборудование. Опыт работы отдельных заводов показывает, что за счет модернизации существующего оборудования производительность его может быть увеличена в полтора-два раза. При проектировании новых и расширения существующих предприятий будут предусматриваться наиболее высокие технико-экономические показатели по сравнению с теми, которые уже достигнуты на передовых отечественных и зарубежных предприятиях. Поставлена задача — на основе передовой техники, использования огромных резервов производства и улучшения его организации добиться дальнейшего серьезного повышения производительности труда во всех отраслях промышленности.

Осуществление намеченной Пленумом ЦК КПСС программы потребует немало напряжения сил, большой организаторской работы в массах. Важная роль принадлежит здесь нашим профессиональным союзам, объединяющим десятки миллионов рабочих, инженерно-технических работников и служащих. В Постановлении Пленума особо подчеркивается, что могучей силой, помогающей старым, остальным и выдвигающей новые, прогрессивные нормы и методы работы, является социалистическое соревнование. Улучшить руководство соревнованием, изгнать из него формализм и казенщину, обеспечить действительно широкое распространение опыта передовых рабочих и новаторов производства, активнее бороться за укрепление трудовой дисциплины, добиваясь повышения производительности труда и материального благосостояния рабочих и служащих, — к этому призывает партия наших профессиональных союзов. Вся их работа должна быть поднята на новый, более высокий уровень.

Успех любого дела, как известно, решают люди, кадры. Коммунистическая партия провела огромную работу по подготовке специалистов для всех отраслей народного хозяйства. Социалистическая промышленность располагает ныне опытными, высококвалифицированными кадрами, которые прошли большую школу организаторской работы. Однако в условиях непрерывного совершенствования техники в культурно-техническому уровню, квалификации как рабочих, так и специалистов промышленности, предъявляются все более высокие требования. Постановление Пленума ЦК КПСС предусматривает ряд конкретных мер, обеспечивающих улучшение работы с руководителями кадрами и специалистами промышленности, укрепление предприятий, научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций работников, хорошо знающих дело.

Пленум ЦК КПСС выразил твердую уверенность в том, что под руководством Коммунистической партии героический рабочий класс, интеллигенция и все трудящиеся нашей Родины обеспечат мощный подъем промышленности и тем самым внесут новый вклад в дело дальнейшего укрепления могущества Советского государства, в дело строительства коммунизма в нашей стране.

Блинодушным одобрением встретил советский народ решения июльского Пленума Центрального Комитета КПСС. В этих решениях советские люди видят воплощение заветов великого Ленина, воплощение коллективной мудрости нашей партии, выражение глубокой правдивости ее политики, полностью отвечающей интересам трудящихся. С особым подъемом трудятся в эти дни металлурги и машиностроители, шахтеры и нефтяники, работники всех отраслей социалистического производства. Растет и ширится волна творческой инициативы масс.

Нет никаких сомнений в том, что вместе со всем советским народом активное, горячее участие в борьбе за дальнейший подъем промышленности примут и наши литераторы. В свете решений июльского Пленума с особой силой звучат сегодня слова товарища Сталина о роли писателей: «Второму всесоюзному съезду писателей: «Наша литература призвана не только отражать новое, но и всемерно помогать его побед».

Советский народ ждет от своих писателей создания правдивых и ярких художественных образов наших современных героев — образов, на которых воспитывались бы целые поколения молодежи. Народу нужны и монументальные произведения о трудовой доблести рабочего класса, и оперативный очерк, и волнующая читателя публицистика, и газетная корреспонденция писателя, рассказывающие о том новом, что ежедневно и ежечасно рождается в нашей жизни, страстно поддерживающие это новое и гневно обличающие, бичующие людей равнодушных, закостеневших в своей отсталости.

Всей силой своего таланта и мастерства художника прокладывать дорогу новому, передовому, помогать партии и народу в решении новых больших задач, стоящих перед страной, — это может быть для советских писателей выше и благороднее этого!

ПРОЛЕТАРНИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 84 (3429)

Суббота, 16 июля 1955 г.

Цена 40 коп.

ЗАМЕТКИ КОНСТРУКТОРА

Широкие горизонты

Вновь и вновь перечитываешь Постановление последнего Пленума Центрального Комитета партии, в котором намечены задачи дальнейшего подъема промышленности, технического прогресса и улучшения организации производства. И в каждом пункте большой вдохновляющей программы дальнейшего подъема социалистической промышленности находим пути к решению вопросов, волнующих рабочих-новаторов, инженеров, конструкторов, руководителей предприятий.

Постановление Пленума открывает новые широкие перспективы дальнейшего развития нашей промышленности, открывает пути к высотам производительности труда, к высотам науки и техники.

Наша социалистическая экономика не знает кризисов быта, развитие производительных сил у нас ничем не ограничено. Этим мы гордимся, это нас окрыляет. Но есть еще у нас люди, которые, как это говорится в Постановлении Пленума, зазнаются и успокаиваются, теряют чувство ответственности за порученное им дело. Они теряют ориентировку, забывают, что нам нельзя не наращивать темпы продвижения вперед, или нередко забывают, что у нас есть только один путь — это путь непрерывного развития техники от хорошего к лучшему. Это непременное, так как создание материальной базы коммунистического общества требует постоянной замены устаревшей техники новейшей, неизмеримо более высокой и производительной, чем в самых развитых капиталистических странах. Всегда, при всех случаях — вперед!

Партия указывает нам: основным условием решения этой задачи должно быть резкое повышение темпов технического совершенствования во всех отраслях промышленности на базе электрификации, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, внедрения новейших высокопроизводительных станков, машин и аппаратов, постоянного совершенствования технологии производства, применения атомной энергии в мирных целях.

Партия указывает нам: основным условием решения этой задачи должно быть резкое повышение темпов технического совершенствования во всех отраслях промышленности на базе электрификации, комплексной механизации и автоматизации производственных процессов, внедрения новейших высокопроизводительных станков, машин и аппаратов, постоянного совершенствования технологии производства, применения атомной энергии в мирных целях.

В строках решения Пленума ЦК КПСС каждый из нас находит то, что обязывает его лично сделать на своем участке работы. Я работаю ведущим конструктором на известном в стране станко-строительном заводе «Красный пролетарий». Завод систематически выполняет и перепланирует государственные задания. Есть у него немалые достижения в совершенствовании техники. Но если меня спросят, все ли вы, ведущий конструктор, и ваши товарищи конструкторы, технологи сделали для того, чтобы темпы технического прогресса были максимально возможными, я отвечу: «Нет, далеко не все». И это, несомненно, так, хотя сделано, конечно, уже немало.

Сейчас наш завод находится в преддверии большого и важного для него события. Мы готовимся к освоению в крупносерийном производстве нового токарного станка взамен старого, который мы выпускаем уже много лет. У старого станка было название «1А-62». Станок, который мы начинаем выпускать теперь, именуется «1К-62». В названии изменилась только одна буква: вместо «А» — «К». Но какие большие коренные изменения несет в себе новая конструкция!

Приходится иной раз читать в газетах, что некоторые руководители предприятий неохотно идут на внедрение новых типов оборудования, боясь связанных с этим коренных изменений в организации технологических процессов, подчас очень серьезных трудностей освоения, кропотливой работы по повышению квалификации кадров. Да, освоение новой, более совершенной техники — дело неслучайное, требует большого напряжения, настойчивости, умения внедрять новое без замедления темпов роста производства в количественных показателях. Это неслучайно. Но когда все это остается позади, когда идея осуществлена, с радостью видишь, какую огромную экономию получает от внедрения нового наше народное хозяйство, как повышается производительность труда. А производительность труда, как указывал В. И. Ленин, — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Коммунистическая партия, читая нам в Постановлении Пленума, на всех этапах социалистического строительства призывает и призывает первоочередное значение непрерывному росту производительности труда. Повышение производительности труда определяет успехи в развитии всех отраслей народного хозяйства, рост реальной заработной платы, общий подъем материального благосостояния и культурного уровня жизни народа.

Продолжим разговор о том же станке «1К-62». Может быть, этот пример и не самый на фоне грандиозных дел, которые вершит наш народ, но мне он кажется показательным.

Что дает переход на производство токарного станка новой конструкции? В первых, производительность его будет выше, чем старых, выше будет и долговечность станка, его прочность. Во-вторых, на той же производительной площади мы дадим значительно больше станков, чем выпускаем ныне. В-третьих, станок предоставляет возможность новаторам производства работать на широком диапазоне режимов резания, в станке есть новшества, обеспечивающие контроль за его эксплуатацией, приборы, контролирующие нагрузку электродвигателя и автоматические

В. ЛЕВШУНОВ, ведущий конструктор завода «Красный пролетарий»

выключающие его при работе на холостом ходу и др.

Но вдумываясь в преимущества этого станка, нельзя не заметить главного — творческими помыслами конструкторов двинула прежде всего забота о человеке: о человеке, который будет работать на этом станке, и о человеке, для которого он работает. Совершенно очевидно, что, умножая и совершенствуя парк станков, конструкторы содействуют тем самым увеличению производства, а следовательно, дальнейшему улучшению материальных условий жизни народа. Но это еще не все. Вглядываясь в работу нового станка и сравнивая его со старым. Даже для мало посвященного в технические тонкости человека сразу же станет явным, насколько облегчается труд станочников: специальные устройства, упрощающие управление станком, сводят до минимума затраты мускульной энергии рабочих.

Вот так, оказывается, дает новая, более совершенная конструкция. И разве то, что я рассказал об этом станке, не является достаточно убедительной иллюстрацией мысли гуманной, направленной на благо человека тенденции советской конструкторской школы!

Замена устаревшего оборудования новым, более производительным, а также модернизация установленного оборудования — большая не только техническая, но и глубоко человеческая задача, которую поставил перед нами Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Новые совершенные станки не мирятся уже со старой технологией. Приходится и нам на «Красном пролетарии» смело и энергично поднимать культуру всего производства. Наши цехи получают новые, высокопроизводительные агрегатные станки и другое современное оборудование. Это поможет нам добиться максимального выпуска промышленной продукции за счет лучшего использования имеющихся производственных площадей.

Станок «1А-62» освоен в 1949 г. Новый станок «1К-62» мы только теперь готовим к выпуску. Вполне закономерен вопрос: не затянули ли мы переход на новую конструкцию, нельзя ли было действовать быстрее? Что можно ответить на этот вопрос? Да, нужно было более быстрыми темпами переходить на новый тип станка.

Можно, конечно, в связи с этим предъявить серьезные претензии конструкторам, и они будут справедливы. Но есть немало не зависящих от конструкторов причин, удляющих сроки доведения новых замыслов до производства.

Нельзя, например, признать нормальным, что на станком, определяющим ближайший перспективизм завода, работают всего четыре старших конструктора. Им, правда, помогают несколько молодых, растущих конструкторов, но это мало меняет положение. Ведь перед конструкторским коллективом стоит большая задача — довести конструкцию станка до серийного производства и оснастить специальными узлами для автоматизированной обработки деталей. Конструкторов мало, и это приводит к потере времени, темпов.

Как это ни покажется странным, прекрасная наша заводская лаборатория не смогла уделить достаточного внимания исследованиям, обязательным для перехода на новую конструкцию станка. А ведь речь идет об основной, массовой продукции!

Почему же так получилось? Да потому, что заводская лаборатория загружена заказами, не имеющими прямого отношения к нашему основному производству. Так и не дождались мы выполнения ряда важных, необходимых для нас исследований. Можно ли оправдать это тем, что лаборатория выполняла другие нужные заказы для станко-строительной промышленности? Нет, нельзя. Надо уметь выделить главную задачу и сосредоточить все силы на ее решении. Этому учит нас партия.

Хочется упомянуть еще об одной задачке, уже ничем не оправданной. Когда первый образец нового станка был готов и его предстояло тщательно исследовать, станок забрали на выставку, где он простоял несколько месяцев. На все это время работа над ним приостановилась. Это время — дело хорошее. Но не лучше ли было повернуться с показом станка, чтобы тщательно его изучить и скорее подготовить конструкцию к серийному производству.

С явным глубоким удовлетворением прочел в Постановлении Пленума призыв активизировать работу научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений, конструкторских бюро и заводских лабораторий, сконцентрировав их внимание на решении задач, осуществляющих технический прогресс. Очень нужное и очень точное указание!

Не так давно комиссия министерства одобрила и приняла новый токарный станок для серийного производства. Таким образом, ему дана путевка в жизнь. Успех, видимо, определила то, что в работе над конструкцией приняли участие в качестве экспертов известные новаторы производства П. Быков, С. Бушуев, С. Смирнов и другие. Да нас мнение мастеров резания металла было особенно важным. Ведь

Началось перекрытие Волги у Городца

Волга выше Городца сегодня выглядит необычно. Как бы вынырнув на поверхность воды, торчат из нее четыре каменные шпала, одетые в деревянные срубы. На них установлены мощные лебедки, от которых вниз по течению тянутся стальные тросы. Они удерживают пловучий понтонный мост. По этому мосту, протянутому от нового берега на триста метров до середины реки, и началось наступление на Волгу.

На ровную поверхность моста, ширина которого достигает 20 метров, один за другим вышли автосамосвалы, груженные песком и камнем. Пройдя два пролета, шоферы по сигналу дежурного регулировщика сделали разворот и сбросили груз в бушующие волны. Так началась отсыпка каменного банкета первой очереди.

Банкет отнесит реку, затем ее русло до трехсот метров. Считается отсыпка такого же банкета со стороны левого берега. Гидромеханизаторы широким фронтом приступят к намылу плотины.

Камень, сброшенный самосвалами в нижний бьеф, образует на дне реки сплошной каменный вал, к которому будет сделана гравийная и песчаная присыпка. На погрузке самосвалов занято три экскаватора, оборудованных прямыми лопатами, и два семикубовых экскаваторов, которые подают камень к месту погрузки.

Всего в русло реки Волги будет уложено свыше ста сорока тысяч кубометров камня, железобетонных еней и слитков весом свыше двух тонн каждый. Слитки будут сброшены в том месте, где скорость волны достигнет наибольших размеров. Недалек тот день, когда Волга, закованная в железобетон, приведет в движение огромные лопасти турбин и Горьковская ГЭС даст промышленный ток. Это произойдет в нынешнем году.

В. ЛЕЖИНИ
ГОРОДЕЦ, Горьковская область.

В гостях у москвичей

В эти летние дни у подъяезда МХАТ многолюдно — здесь показывает свои спектакли Владивостокский краевой драматический театр имени Горького.

Вот что рассказывает о выступлениях на столичной сцене директор театра Ф. Гурский.

— За две недели мы по несколько раз показали зрителям столицы все шесть своих спектаклей. Одновременно мы начинаем выступления в клубе имени Горького и в Загорске. Две наши постановки — «Фальшивый монетар» и «Разные люди» — стали предметом обсуждения во Всероссийском театральном обществе. Свое пребывание в Москве театр использует для пополнения репертуара. Мы знакомимся с новыми пьесами московских драматургов и устанавливаем с ними практическую творческую связь. Одну из ближайших наших постановок театр посвятит первой русской революции 1905 года. В начале августа наш театр выезжает на гастроли в Ленинград.

Заслуженным успехом у москвичей пользуются также спектакли Новосибирского театра оперы и балета и Сталинградской музыкальной комедии. В начале в Москве начинаются гастроли Калининского областного драматического театра.

Литераторы выезжают в колхозы

Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР организовало в этом году свыше 140 встреч московских литераторов с тружениками колхозных полей, работниками МТС и совхозов, предприняв ряд поездок столичной общины.

Более 200 тысяч человек побывало на литературных вечерах и читательских конференциях с участием прозаиков, поэтов, драматургов. Составляли выступления И. Андреев, А. Софронов, Р. Кима, А. Копряев, В. Ласкина, Л. Шейнина и других. Писатели знакомят читателей со своими новыми произведениями, творческими планами. Отзывы колхозников об этих встречах говорят о большом интересе трудящихся к советской литературе.

Сейчас в районы отправилась бригада писателей в составе М. Львова, А. Маркова, А. Ференчука. Они побывают в колхозах Кимовского, Узловского, Донского, Гремячского районов, у сталногорских шахтеров.

С. Додашвили — виднейший грузинский просветитель

ТБИЛИСИ. (Нап. корр.). Общественность отметила 150-летие со дня рождения виднейшего грузинского просветителя, общественного деятеля и мыслителя Соломона Ивановича Додашвили.

Среди крупнейших по своему значению произведений С. Додашвили можно назвать первую часть курса философии «Логика», «Сокращенную грузинскую грамматику», недавно обнаруженный труд «Риторика» и другие.

Планируемый борей против самодержавия, последователь идеи декабристов и сторонник республиканского строя, С. Додашвили был арестован в 1832 году и сослан в Вятку, где вместе с А. И. Герценом работал в канцелярии вятского губернатора. Ссылка в тяжелые болезни сломила его здоровье — он умер летом 1836 года, на тридцать втором году жизни.

В Академии наук республики была проведена научная сессия, посвященная его жизни, общественной и научной деятельности. В Тбилиском государственном университете имени И. В. Сталина состоялась научная сессия, а также выездная сессия в С. Додашвили, на которой в Магдари, Сигнахского района, на родина С. Додашвили.

Встреча В. Эджертон с советскими литературоведами

В Москве находится сейчас профессор университета штата Пенсильвания (США) Вильям Эджертон. На днях в Институте мировой литературы имени А. М. Горького состоялась его встреча с советскими учеными. Он рассказал о том, как организовано в высших учебных заведениях США преподавание русского языка и литературы.

Вильям Эджертон поблагодарил за предоставленную ему возможность изучить в советской стране литературные архивы русских писателей, произведения которых он намерен перевести на английский язык.

От имени присутствующих гостей приветствовал профессор Д. Благой, который заявил, что советские люди питают дружеское чувство к американскому народу и рады видеть у себя в гостях его представителей.

Подготовка к юбилею Рудаки

СТАЛИНАБАД. (Нап. корр.). Началась подготовка к празднованию 1100-летия со дня рождения основоположника таджикской литературы Рудаки, который в древних письменных источниках известен как Абуабдулло Джафар ибн Мухаммад. Празднование намечено провести в августе 1957 года (точная дата рождения поэта не установлена).

На расширенном заседании президиума республиканского Союза писателей было решено издать к юбилею произведения, посвященные Рудаки: литературоведческие исследования и популярные брошюры о его жизни и творчестве. Выступавшие указывали, что последние таджикское издание сочинений Рудаки вышло пятнадцать лет назад. Необходимо ускорить работу по подготовке юбилейного собрания сочинений великого поэта.

Институт языка и литературы Академии наук Таджикской ССР поднят вопрос о вскрытии могилы Рудаки для восстановления по черепу его подлинного внешнего облика. Осуществление этого предложения придаст иконографическую достоверность как портретам Рудаки, так и памятнику поэту, который будет сооружен в Сталинабаде.

В ближайшее время в книжные магазины поступит выпущенный на русском языке второй изданием сборник избранных сочинений Рудаки и поэтов «Слепиды Рудаки».

ЗАБЫТЫЙ СЫН

Г. ХАЛИЛЕЦКИЙ

В жизни Виталия Дубровского наступил такой момент, когда ему впервые пришлось оглянуться на все, что сделано и пережито: он попал в детскую исправительно-трудовую колонию.

Вот он стоит в канцелярии и, опустив глаза, негромко рассказывает о себе — говорит короткими, вымученными фразами: — Из Владивостока... Учился в школе... Потом удрал. Отец и мать есть...

Даже взрослому человеку бывает порой нелегко рассказывать о себе; если же иметь в виду, что Виталию неполных тринадцать, — возраст, когда все воспринимается особенно остро и кажется временами безнадежно трагическим, — нетрудно представить, насколько тяжел ему этот рассказ.

Попытаемся повесть нехитрую, но во многом поучительную историю.

Началось все еще задолго до рождения Виталия, в тот самый день, когда его отец Леонид Евлампиевич Дубровский уже через месяц после свадьбы пришел к выводу, что в женитбе ему «не повезло».

Какими при этом соображениями и доводами руководствовался молодой супруг, оставив на его совести, потому что, думается нам, при любом стечении обстоятельств, как бы ни сложились бы, обстоятельства эти не должны отражаться на судьбах детей.

Но как раз в силу этих обстоятельств, еще до появления на свет, Виталий был обречен на отцовскую нелюбь. Из всех воспоминаний о его недолгой жизни самым прочным и самым постоянным у мальчика оставалось одно: отец с матерью почти непрерывно ссорятся.

Соседи предупреждали их:

— Сын у вас растет, постылся бы... Но супругам Дубровским некогда было прислушиваться к этим советам: они были поглощены заботами о выяснении того, кто виноват в «заблужденной молодости».

Так рос Виталий, дикарь, временами полуодомашненный, временами с багровыми полосами на теле от родительского ремня.

Мальчик не отличался успехами в школе, да это и понятно. Ему назначали перекаменки на осень, а Виталий не занимался. Где уж тут заниматься, когда вот оно, рядом, море, в порту ведут переключку океанские пароходы, на стадионе бешут футбольные страсти, с самого раннего утра до позднего вечера находится столько соблазнов, что о занятиях впрямь и вовсе не вспоминали.

Конечно, если бы отец или мать хоть время от времени напоминали сыну о том, что он должен готовиться к экзаменам, соблазны оказались бы не такими веселыми. Но родители о Виталии думать было некогда: выяснение взаимоотношений, начавшееся у них с 1942 года, сопутствовало всему десту Виталия Дубровского: выяснение шумное, тяжелое, с каскадами брали, взаимных упреков и оскорблений.

Отец, в прошлом актер кукольного театра и потому считающий себя человеком с повышенной чувствительностью, хлопал дверью и уходил на службу, мать бросалась на кровать и рыдала, а Виталий, заснувший за паузу краюшку хлеба, выскальзывал из дому и спешил к морю, где его уже давно ожидали друзья.

— Ты чего это опаздываешь? — спрашивали они.

— А мать с отцом опять грызутся, — пренебрежительно слезливал Виталий и прыгал в шлюпку. — Ну, греем, что ли?

Так вот и получилось, что Виталий стал одним из самых отстающих в классе. Подходила осень, позвали его, если и обогащались, то далеко не тем, что требовалось по школьным программам, и вот тогда-то «на помощь» приходил городской отдел народного образования: Виталия перебрасывали из школы в школу.

Он едва дошел до четвертого класса, а уже успел побывать во 2-й, 9-й, 28-й, снова в 9-й и, наконец, в 64-й школах. Его именно перебрасывали, точно так же, как перебрасывают на поле футбольный мяч, от игрока к игроку. Учителя не успевали в нему приглядеться, разобраться в его ха-

рактере и склонностях, как он уже оказывался в следующей, очередной школе.

Конечно, если бы отец был заинтересован в успехах сына, он выехал бы в это село, но ему было некогда. Директор красного Дома учителя, он по долгу службы из месяца в месяц обеспечивает лекции о принципах коммунистического воспитания, — и только над принципами воспитания собственного сына у него не было времени задуматься. По долгу службы он организует досуг учителей и только в организацию досуга собственного сына не вкладывал даже самой малой частицы души.

И Виталий — и это было естественно — начал поиски друзей и внимания на стороне, среди случайных уличных друзей. Встревожило ли это отца?

Надо сознаться, что когда мы решили поговорить с Леонидом Евлампиевичем о его родительском долге, именно этот вопрос нас волновал больше всего.

Леонид Евлампиевич как-то равнодушно пожал плечами и нехотя процедил:

— Ну, что ж... Я, конечно, знал, что Виталий попал в дурную среду. Мне рассказывали, что он пропоянничает в магазине, сдает пустые бутылки...

И тут же послышался завет:

— Знаете, когда он по несколько дней не бывал дома, я тревожился... Дверь по ночам оставал открытой: верял, что вернется!..

И это — все!

Помед ли он в школу, в горно, в комсомольскую организацию? Поднял ли — если собственных возможностей не хватало — на ноги общественность? Ничего подобного! Он... держал дверь открытой: авось, блудный сын возвратится.

Да, сын возвращался: грязный, нестриженный, голодный, озлобленный. Но и тогда у отца не находилось для него ласкового слова, — он, видите ли, был занят, он торопился на службу — организатор оренбургской лекции о морали и нравственности. Ему было некогда настолько, что в 64-й школе, где в последнее время учился Виталий, Леонид Евлампиевич даже ни разу не появился, несмотря на неоднократные приглашения педагогов.

Потом Виталий вовсе исчез из дома. Исчез на несколько месяцев. Встревожило ли это отца? Заставило ли задуматься о том, кто виноват в происшедшем? Опять нет.

О том, что его сын ночевал в зимние холодные месяцы где-то в порту, о том, что питался он подкачками некоей серболовной официантки из столовой, Леонид Евлампиевич узнал позже от работников владивостокской милиции, которые приложили к розыскам мальчика куда больше усилий, чем он сам.

Стыдясь опустив взгляд долу, Леонид Евлампиевич беседует с нами и с поражающей беззащитностью пытается выгородиться: лишь бы он был невиновен, лишь бы ответственность переложить на других. Он летит чудовищную грязь на жену, с которой прожил 13 лет и нажил троих детей! Он обвиняет школы, педагогов, — все повинны, кроме него самого, «посторонних» виноваты, но только не он, отец.

Когда он чувствует, что все его доводы звучат недостаточно убедительно, он пускает в ход последний козырь:

— Мальчик был признан испорченным, трудновоспитуемым и умственно отсталым, это все подтверждено!

И с затанцованной надеждой смотрит на нас: вдруг мы поверим?

Но мы не поверили. Мы побывали у тех людей, на авторитет которых он ссылался.

Начальник Владивостокского детского приюта Василий Захарович Дурнев, которому мы рассказали о сути дела, от возмущения даже кулаком по столу грохнул:

— Кто испорченный? Кто умственно отсталый? Виталий Дубровский? Чужаки! Чуждый мальчишка, поверьте моему опыту, или я в детях ничего не понимаю!..

Мария Григорьевна Марухленко, сослуживца Л. Е. Дубровского по Дому учителя, сказала несколько осторожнее:

— Виталий всегда производил на меня неплохое впечатление. Но он был постоянно какой-то забытый, заброшенный.

А Евгения Иосифовна Затера, педагог с двадцатилетним стажем, — она ведет класс, в котором учится в 64-й школе Виталий Дубровский, — описала так:

— Виталий — мальчик несколько неуравновешенный, но пылкий, отзывчивый. А насчет того, что он испорченный, умственно отсталый, — это, извините, вздор.

Директор же этой школы — Мария Семёновна Маршанович — лишь грустно покачала головой:

— Ох, сколько я Леонида Евлампиевича убеждала: не забирайте документов сына, не торопитесь устроить его в трудовую. Но он все же настоял на своем... А что касается Виталия, — мальчик вовсе не испорченный, из него еще можно, как из воска, что угодно вылепить.

Леонид Евлампиевич не внял совету директора: ведь «определить» сына в колонию куда легче и проще, чем постоянно, день за днем, заботиться о его воспитании. Он настоял на своем, забрал из школы документы сына (это был его первый и последний визит в школу!), хладнокровно написал расписку и заявил заведующей:

— У меня связи, знакомства. Уж я-то Виталия в трудовую колонию определю!

Собственно говоря, на этом сделавшемся поставив точку, Виталий Дубровский «устроен» в трудовую колонию, и в известном смысле мы за него даже рады: можно не сомневаться, что государство позаботится о нем по-настоящему. Его отец, считающий себя интеллигентом и творческой натурой, вполне удовлетворен и успокоен. Вот разве только поведение второго сына начинает его немного беспокоить: Толя, кажется, идет по стопам Виталия.

И все-таки нам хотелось бы продолжить разговор о судьбе мальчика и о причинах, которые привели его в колонию.

Владивостокские юристы, с которыми мы обратились за консультацией, в один голос восклицают:

— Непонятно, чего вы добиваетесь? Сына отец не избил, гадостей не учил, — дело, как видите, не подсудное. Да, дело народному суду не подсудно.

Нет в уголовном кодексе статьи, которая предусматривала бы наказание за подобный случай, однако есть у нас еще и неписанный, но, как мы убеждены, обязательный для всех советских людей моральный кодекс. И вот по этому-то кодексу, думается нам, Леонид Евлампиевич Дубровский несет полную ответственность за исковерканную судьбу сына.

Макаренко писал когда-то: «Если вы желаете родить гражданина и обойтись без родительской любви, то будьте добры, предупредите общество о том, что вы желаете сделать такую гадость».

Именно эти слова — гадость! — и определяют, на наш взгляд, поведение Дубровского.

И еще на одну сторону этого дела хотелось бы нам обратить внимание. Почему получалось так, что все это оказалось «не по годам зрелости» общественности?

Знали о непорочностях в семье Дубровских в городском отделе народного образования и в красном комитете профсоюза работников начальной и средней школы, — знали и делали вид, что это их не касается. Правда, профсоюзная организация пошла как-то выдать Л. Е. Дубровского на откровенный разговор о воспитании сына, о его поведении в семье, но до конца этот разговор не дошел, очевидно, из соображений «деликатности».

А ведь вмешайся общественность, все могло сложиться по-иному.

Не пора ли отказаться от этой ложной стыдливости, по пора ли полным голосом заговорить об этой самой гадости, не совместимой с нашим советским укладом жизни?

Владивосток



ТЕАТР БОЛЬШОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

М. МАКСАКОВА, народная артистка РСФСР

Впервые я познакомилась с коллективом Новосибирского театра оперы и балета в самом Новосибирске зимой этого года. Что уже тогда мне показалось примечательным в творческой деятельности театра? Это, во-первых, смелое выдвижение молодежи на самые ответственные партии в самых ответственных спектаклях. И, во-вторых, оба прослушанных мною спектакля («Русалка» Даргомыжского и «Пан-Воевода» Римского-Корсакова), спектакли,

в которых наряду с опытными мастерами пели еще только начинающие вокалисты, — порадовали меня своей цельностью, ансамблем.

Ансамбль, музыкально-вокальное и сценическое единство всех исполнителей оперного произведения — традиция русского оперного театра. К сожалению, этой традиции традиционной русской оперы стали порою пренебрегать в наших лучших столичных театрах, и в результате — спектакли одного коллектива приобретают гастролирующий характер с двумя-тремя выпадающими из общего строя солистами. Новосибирский театр стремится к слаженному ансамблевому спектаклю, добивается музыкально законченных постановок. Здесь следует положительно оценить работу главного дирижера театра М. Бухбиндера. М. Бухбиндер обладает необходимым для каждого оперного дирижера, но, к сожалению, немногим из них присущим даром, — чувством целого, чувством ансамбля, способностью проследить и провести через весь спектакль единую идейно-музыкальную концепцию. Именно это позволяет дирижеру осуществлять постановки сложнейших опер русских и зарубежных классиков силами подчас совсем молодых исполнителей.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Мытарства пассажиров

Летний отдых на пароходах — из Москвы в Астрахань, Ростов-на-Дону, Молотов, Уфу — стал мечтой многих и многих жителей столицы. Мы много — мечтой, потому что достать билет на паром необычайно трудно.

Прежде всего надо простоять много месяцев в очереди — запись на билеты начинается ранней весной, задолго до открытия навигации. Потом ежедневно надо являться на «перекличку», которые происходят у Химкинского вокзала.

И все же у вас нет уверенности, что приобретете билет и именно на то время, когда планируете свою поездку. А ведь большинство приурочивает свой отъезд к определенным датам, главным образом к отпуску. И за неурядицы срываются и откладывают отъезд, нарушая планы отдыха семьи, не говоря уж о той нервной трепке, которую вызывает эта погоня за билетом.

Разве нельзя внести какой-то разумный порядок, обеспечивающий права тех, кто находится по несколько месяцев в очереди? Не целесообразно ли организовать, например, продажу транзитных билетов — с пересадкой в крупные речные порты, откуда в тех же направлениях уходят местные, гораздо менее загруженные пароходы?

С. ГУТИН, Ф. МОСКОВСКИЙ, Н. ОРДЫНСКАЯ, сотрудники Министерства электростанций СССР

От редакции. Публикуемое письмо затрагивает вопрос, беспокоящий многих москвичей. Корреспондент «Литературной газеты» побывал в прошлое воскресенье на Химкинском речном вокзале, где, начиная с марта, еженедельно собирается для «переклички» огромная очередь. Она разбита на «бригады» в каждой из них ведется довольно сложный учет. То и дело возникают недоверие, протесты, жалобы.

Неужели нет выхода из этого положения? С этим вопросом корреспондент обратился в Министерство речного флота СССР. Заместитель начальника Главного управления движения А. Владимиров признал, что существующий порядок приобретения билетов нельзя считать сколько-нибудь удовлетворительным.

Мы намерены в самое ближайшее время разработать действенные меры, которые твердо гарантировали бы гражданам, состоящим в очереди, продажу билетов на выбранные ими сроки, — заверил он. — В частности, будет увеличено количество билетов, предоставляемых кассам предварительной продажи.

С будущего года запись в очередь будет производиться в определенное время; кассы должны гарантировать пассажирам получение билетов на требуемые ими сроки и классы кают. Значительно увеличится и количество пароходов, появятся десять новых пассажирских судов — экскрессов и дизелей. Но желающих путешествовать по рекам дождно учесть, что удовлетворить желание всех мы пока не можем. Потребуются время, чтобы ввести в эксплуатацию такое количество пароходов, которое могло бы полностью удовлетворить заявки как москвичей, так и жителей приволжских городов.

Министерство речного флота СССР, как сообщил А. Владимиров, намерено обсудить предложение авторов публикуемого сегодня письма относительно введения транзитных билетов.

можно только приветствовать восстановление в опере обывато купированной сцены «пришлых людей», с замечательным по народности и мелодичности хором. Однако, как мне кажется, непосредственные события оперы рассказаны в слишком доверчиво бесстрастно, музыке придан чересчур академический характер. Думается, что это связано с некоторым просчетом в режиссерском решении. Избегая одной крайности, — какой бы то ни было идеализации борющихся против Петра темных феодальных сил, постановщик приходит к другой — к явной недооценке этих сил. Победа Петра, победа центральной государственной власти представлена в постановке, оформлении, в музыкальном решении, несколько упрощено — как спокойное и уверенное торжество. Тем самым события оперы лишаются драматизма; «Хованщина» — это рассказ о «смутном времени», в театре же он стал рассказом об обреченных смутьянах.

Хорошее впечатление произвела молодая певица Л. Ульянова в роли Марфы, плетущей доверчиво бесстрашно, музыке придан чересчур академический характер. Думается, что это связано с некоторым просчетом в режиссерском решении. Избегая одной крайности, — какой бы то ни было идеализации борющихся против Петра темных феодальных сил, постановщик приходит к другой — к явной недооценке этих сил. Победа Петра, победа центральной государственной власти представлена в постановке, оформлении, в музыкальном решении, несколько упрощено — как спокойное и уверенное торжество. Тем самым события оперы лишаются драматизма; «Хованщина» — это рассказ о «смутном времени», в театре же он стал рассказом об обреченных смутьянах.

Хорошее впечатление произвела молодая певица Л. Ульянова в роли Марфы, плетущей доверчиво бесстрашно, музыке придан чересчур академический характер. Думается, что это связано с некоторым просчетом в режиссерском решении. Избегая одной крайности, — какой бы то ни было идеализации борющихся против Петра темных феодальных сил, постановщик приходит к другой — к явной недооценке этих сил. Победа Петра, победа центральной государственной власти представлена в постановке, оформлении, в музыкальном решении, несколько упрощено — как спокойное и уверенное торжество. Тем самым события оперы лишаются драматизма; «Хованщина» — это рассказ о «смутном времени», в театре же он стал рассказом об обреченных смутьянах.

Опера «Банк бан» крупнейшего венгерского композитора Ф. Эрделя, впервые поставленная на русской сцене, чрезвычайно интересна как по содержанию, так и по музыке. Написанная в традиции венгерского героического письма, она насыщена венгерскими национальными мелодиями. В опере рассказывается о борьбе венгерских патриотов во главе с канцлером, честным государственным деятелем Банк баном против мераских рыцарей, возглавляемых королевой Гертрудой и ее братом Отто, герцогом Мераном. Банк бан — В. Козурин прекрасно справляется с большими техническими трудностями своей партии, в частности, ему не один раз приходится кончать фразу на высоких нотах. Несмотря на это, певец поет легко и свободно, создавая убедительный не только сценически, но и вокально образ героя во всей сложности его характера.

Очень трудную партию Мелинды, обесчещенной жены Банк бана, хорошо поет артистка М. Карпинчик. Необходимо особенно отметить ее вокальную выносливость: далеко не всякая певица, имеющая такое нежное лирико-колоратурное сопрано, смогла бы провести столь трудную драматическую, технически сложную сцену сумасшествия. Хотелось бы только, чтобы и сценический рисунок роли Мелинды соответствовал характеру музыки. В спектакле же либо по вине режиссера, предложившего актрисе слишком много движений, либо по вине самой актрисы, не почувствовавшей внутреннего ритма роли, Карпинчик грешит излишней суетливостью.

Партию Гертруды, деспотичной и злобной королевы, поет в спектакле Л. Мясникова. Голос певицы, хорошо звучащий на верхах, в среднем регистре значительно слабее. Артистке следует пожелать большей вокальной сдержанности и большей внутренней насыщенности исполнения. Пока что Мясникова этой роли не имеет, но, к сожалению, это не мешает ей иметь каждому настоящему мастеру (например, сцена смерти).

Режиссерское решение спектакля интересно и своеобразно. Постановщик П. Тихомирову удалось насытить динамикой даже те сцены оперы, в которых мало действия. Лишь в финале смазывается трагическая кульминация, так как внимание зрителя отвлекается совсем ненужным на сцене катафалком Гертруды.

Новосибирский театр оперы и балета обновил любовь московского зрителя. И это не случайно. По своей творческой смелости и инициативе, большой музыкальной культуре и ансамблевости постановок театр по праву занимает положение одного из лучших оперных коллективов страны.

На снимке: сцена из первого действия оперы «Хованщина»

Фото А. Ветанова

В праздник о буднях

Мих. ЛУКОНИН

На центральном стадионе «Динамо» завтра состоится традиционный спортивный праздник, посвященный Восьмому дню физкультурника. Как всегда, мы увидим красивое, яркое зрелище и самое прекрасное, что есть на свете, — здоровую, сильную, радостную молодежь. Сотни юношей и девушек, стройных, загарающих, делают сложные гимнастические упражнения. Выступят сильнейшие легкоатлеты, и радиоконментатору, может быть, предстоит возможность сообщить об установлении одного или нескольких новых рекордов. Победителя многодневной велогонки совершат почетный круг...

Замечательное зрелище спортивного праздника всегда волнует до глубины души, придает силу. Когда праздник заканчивается, нехотя покидаешь с мест, мы устремляемся к выходу. И в эту минуту в пережитую радость вливается какое-то новое чувство, которое сразу и не выразишь. Лишь добравшись домой, начинаешь понимать то, что тебя беспокоило. А что делалось в этот день в Липецке, в Боканье, в Кушке? И в селе Макруша, около Воронежя, где я был в прошлом году и до сих пор помню многих людей? И в моей деревне Быковы Хутора?

Немыслимо было бы, конечно, предполагать в Кушке или в Макруше парад такого масштаба. И думаю о простом футбольном матче, о колонию физкультурников — здоровых, молодых людей, стесняющихся в ногу, о двух лодках, мчащихся впергонки, и двух-трех сотнях зрителей, из-под лавки следящих за берега за борьбой спортсменов двух колхозов...

У нас часто пишут о массовости спорта. Действительно, спорт у нас массовый, им занимается множество людей. Какими семейными шагами продвинулись мы в развитии физкультуры? За треть века шагнули так, как шагала иная страна за столетие. Для любого европейского государства наши цифры представляются почти астрономическими: миллион футболистов, миллион легкоатлетов... Но сегодня мы уже не удовлетворены этим. Сделано мало, говорим мы, мало для страны с двухсот-

миллионным населением. Тем более, что во многие ответные сроки попадает каждый, кто участвовал хоть один раз в кроссе или организованно отправился на рыбалку.

В 1926 году, первоклассником, я впервые увидел на лужайке нарней, играющих в футбол. Кожаный мяч пролетел над воротами во мне прямо в руки, и до сих пор помнится запах травы и кожи, который исходил от него, до сих пор я вижу белый шар на его тугой поверхности. Это было в деревне Быковы Хутора на Волге, и с тех дней звук удара по мячу я различил среди тысячи других звуков. В моей деревне кончался трудовой день и начинался футбол, начиналась лапта. Капитаны прохаживались парадом, разрешали выезжать на пароходах на стрельбу и прыгать затем с верхней палубы в крутые волны... В юности заспанная трава под ясным небом была главной ареной отдыха молодых трактористов Сталинграда. Помню, как гулел стадион СТЗ, как кипели волны у яхтклуба, помню славу футболистов сталинградского «Трактора» — молодых Александра Пономарева, Василия Прохорова, Георгия Иванова. Вокруг них бурлила спортивная жизнь, подрастали новые силы.

Вот о чем думаю, возвращаясь с захватывающих московских физкультурных праздников, с замечательных матчей на стадионе «Динамо». Но об этом думаю, и увлечен в футбольной таблице класса «Б» сталинградское «Торпедо» на предпоследнем месте. Думаю об этом, и проходила по улице Быкова Хутора, где бывало почти ежегодно, но где не вижу ни футболистов, ни простой волеболейной встречи, ни даже лапты.

Разбираясь в этом чувстве беспокойства, я убежден, что оно отнюдь не навеяно некоторыми нашими поражениями в международных состязаниях. Иные поражения полезнее десятка побед. Я, например, не видел горячи на лицах многих москвичей после проигрыша динамовцам футбольным Милана. Это была хорошая учеба, в чем мы убедились через несколько дней, на-

слажаясь великолепной игрой спартаковцев. Но некоторые поражения неминуемо приводят к размышлению об общем состоянии нашего спортивного движения. Чем объяснить, скажем, что после естественного ухода со спортивной арены Г. Федотова, А. Пономарева, Б. Найчаева, В. Воробова вот уже несколько лет ни в одной из наших команд нет полноценного центрального нападающего? Почему после ухода А. Якушева, В. Шагина, М. Именнова, В. Ульянова, А. Эйнгорна наши тренеры не могут выдвинуть в волеболей равновесных им тактически мыслящих игроков? Почему сдвинулись наши баскетболисты, почему не движутся вперед пловцы? Мы гордимся нашими максималистами, борцами, гимнастами, штангистами, прыгунами в воду, стрелками, гребцами, некоторыми легкоатлетами... Но положение, сложившееся в других видах спорта, вызывает тревогу.

Скажем прямо, откровенно: в организации массового спортивного движения далеко не все еще правильно продумано, не все еще верно решено. Спорт — естественная потребность нормального человека. За него не надо агитировать, как нет необходимости убеждать человека в том, что полезно есть хлеб, сливочное масло или дышать свежим воздухом. Нужно просто предоставить возможность миллионам людей повысить свою физическую культуру. Братье мяч идущим мимо мальчишкам, — и увидишь, как надо агитировать за спорт! Укрепится во дворе между двумя стойками железную трубу, — и увидишь, как на ней с утра до вечера будут куваться подростки, а в сумерках подойдут сюда и взрослые. Откройте с утра ворота велометвенных стадионов, и не будет напрасно сгорать под солнцем скачущая трава. Одного этого достаточно уже, чтобы завтра же в спорту приняли миллионы новых людей!

Между тем в своих многочисленных поездках по стране я часто прихожу к убеждению в том, что в районных и городских комитетах физкультуры работников стало больше, чем двадцать и двадцать пять лет назад, а примитивных спортивных площадок, простых лужаек и дворов, где бы кипела игра, стало меньше. Я видел превосходное оборудование, рассчитанные на десятки тысяч зрителей стадионы-гиганты в Тяуку, Киселе, Ленинграде. Они обставлены неподвижными атлетами с каменными краями, многошумные лепные украшения нависают там с неисчислимыми

бедонн. Масса мест для сидения, много бумажных и ларьков, монументальные ограды, — но каждый раз при виде их я тоскую и по маленьким простым стадиончикам, небольшим бетонированным бассейнам в центре городков и сел, тоскую по аккуратным подметенным волеболейным площадкам и небольшим каткам, приютившимся между соседними домами, где для сидения двести скамейки, а все остальное — для движения!

Спорт — прежде всего забота о здоровье народа, о его работоспособности и долготелетии. Забота эта, в сожаление, часто носит ведомственный характер, раздроблена, ослаблена. Мне кажется, что внимание к здоровью человека со стороны спортивных организаций должно опекать его с малых до пожилых лет. Спортивные же организации начинают эту заботу после того, как юноша достигает 16—17 лет, и заканчивают ее примерно в тридцатилетнем возрасте, после чего даже выдающихся спортсменов иной раз называют «бесперспективными», «великовозрастными», — ведь они не могут уже принести славы спортивному обществу.

В самом раннем возрасте маленького гражданина опекает врач, ясли, консультации. Затем в течение десяти лет забота о его здоровье возлагается на школу, которая пока что очень плохо справляется с этим важным государственным поручением. Только потом — с вузовскими лет и с началом работы на заводе — олицетворяет собой человека заботу спортивных организаций. Они, вопреки мнению общественности и очевиднейшей пользе, ограничили свою деятельность очень узким для нашего многомиллионного народа кругом людей.

Сегодня настоящей массовой спортивной работой мы можем считать только такую работу, которая охватывает не миллионы, а десятки миллионов людей. Прошло время, когда деятельность спортивных обществ можно было ограничить подготовкой разрядников из числа наиболее здоровых, способных молодых людей, отбором среди них талантов. На спортивные организации надо возложить всю полноту ответственности за физическое развитие масс.

Почему же спортивные общества, которые призваны заботиться о здоровье, например, шахтеров, станкостроителей, машиностроителей, сталеваров, забывают об этом? Газета Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров СССР и

ВЦСПС «Советский спорт», например, отмечала, что «на таких крупных предприятиях, как Магнитогорский металлургический комбинат, завод имени Ворошилова в Воронинском районе, завод имени Молотова в Горьком и некоторых других, количество физкультурников не превышает 5 процентов от общего числа работающих».

А вот другой факт. В прошлом году на первенство СССР по легкой атлетике было решено допустить только спортсменов первого разряда. В Киев съехались спортсмены с соответствующими удостоверениями, но многие из них сумели выполнить только норму второго разряда, а некоторым оказался не под силу и третий.

Немалой бедой нашего спортивного движения является, на мой взгляд, система многочисленных недовольных добровольных обществ. ВЦСПС, в течение долгого времени выступавший против укрупнения добровольных обществ, весной нынешнего года пошел на то, чтобы объединить в «Дуревские» пять крупных обществ этого объединения. И уже сейчас очевидно польза этого объединения: спортсмены имеют больше возможностей в выборе площадок, стадионов, секций, тренеров. А существует еще множество небольших обществ, которые почти не имеют своих спортивных баз, крепкого тренерского состава, достаточных средств. Право же, нельзя считать сколько-нибудь нормальным такое положение, когда, будучи членом профсоюза, вы не можете воспользоваться находящимся рядом с вашим домом гимнастическим залом или стадионом лишь на том основании, что они, видите ли, принадлежат другому профсоюзному обществу!

Не целесообразно ли продолжить практику укрупнения спортивных обществ, чтобы каждый член профсоюза пользовался равными правами на заботу о своем здоровье? Может быть, разумно также создать широкую сеть платных спортивных площадок, игровых полей с проектом оборудования и спортивного инвентаря? Есть же у нас хороший пример никогда не пустующих зимних катков, лодочных станций и лыжных баз, обслуживающих всех граждан без исключения. Некоторые товарищи предлагают даже открыть районные спортивные клубы, которые могли бы обслуживать население по территориальному принципу. Смысл этих, все более настоящих раздвоющихся предложений сводится в общем к одному: человек, живущий в любом уголке страны, должен иметь самую простую и бесхитростную возможность, не

теряя времени, позаниматься часок-другой любимым видом спорта.

У меня, да и у многих людей, с которыми приходится по этому поводу обмениваться мыслями, зреет уверенность в том, что руководители спортивных организаций, в первую очередь общесоюзного Комитета по физкультуре и спорту, сделают переключиться на проведение всесоюзных и международных соревнований, вышестоящие отдельные рекорды.

Хорошо ли, что они заботятся о мастерах, рекордсменах и чемпионах, о сборных командах? Конечно, хорошо, — мы гордимся своими спортивными победами. Речь идет о другом: упущения в физкультурной работе в школах, на производстве, в деревне в конечном счете делают неустойчивыми наши спортивные достижения, ввергают их судьбу узкому кругу спортсменов. Во многих видах спорта, даже в тех, в которых мы первенствуем, то и дело проглядывается дно. Оно будет не только проглядывать, а временами и угрожающе обнажаться (как это, например, произошло в хоккее, волеболе, баскетболе) до тех пор, пока за нашими мастерами не будут стоять десятки

МН часто говорим о сорокати в литературу, но, к сожалению, в очень общей форме, не пытаемся даже определить, что же мы подразумеваем под этим словом.

ПРОТИВ СЕРОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ

А между тем серость — это не просто бедность произведения. Может быть, произведение еще аксиоматично, сыро, как, например, повесть Е. Ржевской «На новом месте» («Октябрь», № 2), но свидетельствующее о способности автора по-своему видеть мир и главное в нем — человека во всей сложности его характера, а значит, отнюдь не серое произведение.

Героиня повести — командант лесозаводского поселка Тая — запоминается. Это своеобразный характер. Она, Тая, и резка и угловата, но обыкновенно мерит достоинство человека по его труду стало основой ее характера и главным стимулом поведения. Органически развивается центральный конфликт повести: между Таяй и ее общественно-инертным, хотя добрым и любящим мужем Григорием.

Правда, конфликт неопределен, недоработан, едва намечены окружающие персонажи, как бы подтирающие и иллюстрирующие его со стороны, такие, как молодой врач Валя, тракторист Гурстев. И если бы в повести были только они со своей трафаретной жизненной дорожкой и шаблонными переживаниями, собственными сентиментами героев рассказов и повестей, то на повесть Е. Ржевской лег бы губительный налет серости. Но вот крикнула Тая своему сынишке Мите: «Не смей папой его звать», обидела грубо, «напрасно» и ребенка и любящего отца, преданного семье, — и вы же в жизни, идете сквозь повесть, зная, что впереди встретите живое, настоящее. И встретите.

Вот Тая захлопывает дверь сарая, чтобы соседи не видели, как ее муж, Гриня, доит корову. Да она сто коров выдоила бы, лишь бы он шел на настоящую мужскую работу на лесозавод, чтобы, глядя на то, как он носит ведро с водой, не завидовали люди ее женскому счастью. Ведь счастье, прежде всего, во взаимном человеческом уважении, а не в одной доброте да ласке. А сердечно уважать человека, который не работает для общества во всю меру своих сил, который безразличен к общественному приращению своей нужности людям, — нельзя.

Нет, эту далеко не совершенную повесть не назвали серой, потому что в ней читатель встретился с живыми, запоминающимися людьми, обладающими ярко выраженными характерами, людьми, которые пришли на страницы книги из добытого и по-своему претворенного автором опыта действительности.

Серость — это и не просто отсутствие таланта. На нет, как говорится, и суда нет: если автор произведения лишен таланта, никакая, самая острая и самая благожелательная, критика ему не поможет. Здесь выход может быть только один: не печатать бездарных произведений.

Бывает, что признак серости пытаются определить с чисто формальных позиций: у автора, мол, не хватает «выдумки», особенно «повороты» темы, сверхоригинальных приемов.

Но ведь и выдумка, и острота, и оригинальность приемов только тогда на пользу художественности, когда они возникают из самостоятельного осмысления действительности и помогают полнее и глубже понять выведенных автором людей, а не влиять напрокат из чужих литературных образов.

В рассказе «Дожди», например, у Сергея Антонова не было ни «выдумки», ни нарочитых «поворотов», ни затейливых причуд в языке. Просто была рассказана история молодой секретарши, которая, загипав «грубой» работой на маленькой, затопленной дождями стройке и сохраняя верность своему прежнему «дезинформационному» начальнику, вышла да уехала вслед за ним в большой город, не отдавая тогда обиды, что сердцем-то она приросла к тяжелому, казалось, немилому участку работы и отрываться от него приходилось с кровью. Вот и все. А здесь и высокая идея, и трепещущая в руках писателя живая правда, и богатая, сложная психология простого человека, которого вы узнали и почувствовали так, как будто бы сами работали вместе под этими прокатными дождями. Но сколько бы вы ни пытались определить, где вы читали о подобной теме, это вам не удастся сделать. Она первая и единственная, типичная и, вместе, неповторимая.

А вот в его же, Антонова, рассказе «Безжелезный ролль» для доказательства простой мысли о том, что замуж надо входить по любви, а не по механическому расчету, нагромождено множество величественных выдумок и сюжетных «холодов» с затейливыми сюжетами и примирениями, с вдохновенными старушками и величественными рыцарями, в конях являющихся всею буржуазной «рококошной» жизнью. Но вот людей, живых, оригинальных характеров в этом рассказе нет.

В итоге — серенький рассказик, не выполняющий даже своего скромного задания: тысяча первого доказательства преимуществ брака по любви.

Иные литераторы, весьма охотно и поспешно опираясь на несколько неудач, ищущих место в нашей прозе, посвященной рабочему классу, связывают понятие серости с изображением «производственного» материала в художественном произведении.

В числе книг, которые показывают человека на производстве, — «Гидроцентральный» М. Шагинян, и «Доббас» В. Горбатова, и «Дни нашей жизни» В. Кетлинской, и многие другие. Разве придет кому-нибудь в голову назвать серыми эти произведения с их правдивым изображением творческого труда и живыми, типичными образами советских людей? Нет, серость, как и художественность, зависит не от самого материала и не от дозировки бытового и производственного элементов, а от умения увидеть, понять, отобразить нашу жизнь, человека нашего времени.

«Доббас» В. Горбатова потому и является значительным произведением нашей прозы, что писатель создал достоверные, жизненно правдивые образы современников. Молодые шахтеры Виктор и Андрей, шахтерская мать и многие другие, даже второстепенные персонажи романа предстают перед нами, как типические характеры нашей эпохи, имеющие каждый свое неповторимое лицо, свою индивидуальность.

А вот такие же, как «Меж крутых берегов» В. Ревунова или «Голубые огни» Г. Молодцова, действительно свойственна

З. КЕДРИНА

серости, но отнюдь не потому, что в них много места уделено изображению производственного труда.

Каждый из этих двух литераторов описывает важный участок жизни: один — строительство Сталинградской ГЭС, другой — угольную шахту в Горной Шории.

Однако этот материал не осмыслен и не организован для выражения большой, волнующей автора идеи.

Авторы просто идут по следам событий, имея в виду самые общие и общеизвестные цели. Скажем, пока борьбы между новым и старым. И вот бригада молодого передового шахтера Смыслова борется за первенство с бригадой старого отсталого шахтера Бабакина. Но в изображении Г. Молодцова борьба эта носит неадекватный, какой-то несерьезный характер. Бабакин стремится доказать, что ручной труд производительнее машинного, а разрешается этот конфликт старым, испытанным литературным шаблоном — описанием обвала в шахте, который и приводит к доброму согласию совместно пострадавших героев, людей, по сути дела, всех без исключения хороших и лишь по недоразумению вступивших в свою неадекватную борьбу.

Так же мало конкретен и конфликт в романе В. Ревунова «Меж крутых берегов». Автор хочет доказать, что геологическая разведка под гидрозел должна производиться в максимально сжатые сроки и что нет таких трудностей, которые нельзя было бы преодолеть. Вот вокруг этой общей мысли и движется повествование, для доказательства же изображается множество людей и событий, возможно, и списанных с натуры, но не приведенных в такое взаимодействие, которое помогает выявлять значительные и своеобразные типические характеры.

Повествование становится дробным, распыляется на малозначительные, иллюстративные эпизоды.

А для того, чтобы все это как-то связало между собой, автору приходится всячески «украшать» свое повествование затейливыми сюжетными ходами, вроде неожиданного узнавания молодым инженером Андреем в любимой девушке Ане той самой девочки, которая спасла ему жизнь в дни Сталинградской битвы.

В обоих романах, о которых идет речь, герои производят впечатление литературных близнецов.

Чем, например, отличаются друг от друга молодые шахтеры Алексей Качев и Максим Хазров из «Голубых огней»? Кроме фамилий, это два совершенно одинаковых «идеальных героя». Оба отчаянно работают, «душно» отдыхают (один — играет на баяне, другой — поет) и любят двух совершенно одинаковых девушек — Таню и Машу. Любят тоже по-одинаковому.

И отнюдь не ратуя за то, чтобы авторы «оживляли» своих героев недостатками, но в настоящей жизни жизни, а также и в большой правдивой литературе каждый человек хорош по-своему. И для того, чтобы герой запомнился читателю, чтобы вызвал желание подражать, нужно, чтобы он имел свое живое лицо, убеждал своими мыслями, чувствами и поступками.

Среди молодцовских и ревуновских положительных героев: Андрей — инженер, Артем — нарен, только-только приобретающий квалификацию. Но по уровню своего сознания, по общему развитию они ничем друг от друга не отличаются. И любят они одну и ту же девушку, оба в равной мере робко, целомудренно, деликатно, естественным образом пожелав своим чувством ради соперника. Правда, Артем надеется необыкновенным голосом, и ему предстоит в конце романа утешиться от несчастной любви консерваторской, — тоже довольно избитый литературный штамп.

В каждом из этих романов есть и свой положительный персонаж. Характерен исторический стандартный штамп: командант общинника Степан Гордеевич из «Голубых огней» Г. Молодцова. Образ этот целиком построен на мнимом глубокомысленном изречении: «В жизни, сынок, много дорог ветвистых. Все они разные... Дорогу надо выбирать труднее, она ближе к цели». Или: «Думы разные бывают. Одна думу веселит, другая сунит...» и т. п. Ревуновский дядя Захар пожизненный. Он — лодочник, учит больше примерами из прошлого, говорит лаконичными стилизованными фразами.

Но так как функция у всех этих дедушек одна, то никакие экзотические украшения не помогают читателю их запомнить. Скажут: как быть? Ведь в жизни действительно есть немало стариков, любящих поучать молодежь. Да, конечно, есть, но ведь писатель — не фотограф, просто фиксирующий то, что есть (впрочем, и фотограф не все подряд снимает на пленку).

Безудачная натуралистическая фиксация жизненного факта никогда не приводит художника к созданию значительного образа в искусстве. Большое явление искусства — всегда результат обобщения, сделанного с позиций глубокого идейного осмысления действительности. Такого осмысления и недостает романам, о которых говорилось выше. В итоге — отсутствие запоминающихся типических образов людей нашей эпохи. А это обстоятельство и порождает то, что мы называем серостью. Немаловажную роль играет, разумеется, всеобразительные средства автора. Если они тусклые и невыразительные, — потускнеют и образы героев. Видный язык произведения, безразличный к предмету, о котором идет речь, не станет ярче от внешних украшений (как, например, в речи дяди Захара). Не становится более ярким изображение чувств Алени и Тани в романе Г. Молодцова от таких, например, слов: «Доблю» сказал природный голубый прелесть, который осторожно обвила Тая, чтобы не наступить на него, «добрлю, доблю» пели жаворонки, «добрлю, доблю» стучало в груди сердце...

Не пераудать переживания молодой героини, впервые в жизни попавшей на конференцию сторонников мира в Москве, и такие сухие строки Ревунова: «Колонный зал принимал гостей — посланцев народа, приехавших в Москву. Среди делегатов была и Аня. Она сидела в пятом ряду с седым генералом и женщиной — Фоминной Марией Иванов-

ной, председателем соседнего с хутором колхоза...

Был на исходе второй день конференции. После выступления слесаря одного из московских заводов слово предоставили студентке Ане Брежневой. Мария Ивановна доклет Трудовой Ане: — Тебя!

Генерал поднялся и дал Ане выйти. Мария Ивановна пересела на ее место.

Далее идет изложение речи Ани — и все! Подобный «лаконизм» может свидетельствовать только об одном — полном отсутствии у автора какого бы то ни было отношения к описываемому им предмету. А это неизменно влечет за собой серость.

Не пронизанное мыслью, не освещенное чувством автора, описание, даже самое точное, не становится правдой, не живет в искусстве.

Характерна в этом отношении история с повестью Ш. Шабунина «Стахановцы», которую принято поминать в числе неудачных, именно серых произведений о рабочем классе.

Можно ли принять подобный упрек тому варианту повести, который напечатан в «Новом мире» в 1950 году? К сожалению, да. Прежде всего в этой повести нет настоящего жизненного конфликта. Он заменен легко разрешающейся технической задачей: один стахановец, Василий Садонников, достигает успеха за счет перегрузки механизмов, другой, Дмитрий Артемов, стремится дотянуть и перегнать его за счет экономии времени, целесообразности и четкой организации труда.

Разрешается ли спор как бы сам собой. Садонников ломает дорогостоящую часть бьюминга и, так сказать, выбивает из игры, но вскоре он расквашивается и становится на праведную стезю.

В повести есть еще один конфликт-недоразумение, заключающийся в том, что любимая девушка Артемова, Марина, желает жить в Москве, а Артемов не хочет покидать свой завод на Урале. Этот конфликт также разрешается сам собой. Во-первых, потому, что Марина желает не очень, а только для порядка, чтобы была видимость протипирования, а во-вторых, потому, что влюбленные, сами понимая несерьезность своей размовки, быстро бегут друг к другу мириться.

Таким образом, в лице Артемова, лишеном всякой необходимости и даже возможности продемонстрировать свои способности в настоящей борьбе за свои идеалы, мы видим стандартного «положительного» героя, каких породила десятками пресловутая «теория» бесконфликтности, а в лице Садонникова — шаблонного, временно заблуждающегося персонажа, который быстро и легко становится хорошим. А стандарт и есть сама настоящая серость.

Была ли серость, так сказать, изначально присуща произведению Ш. Шабунина? В том-то и дело, что нет. История того, как свежий, актуальный и смелый роман был превращен в серую, заурядную повесть, весьма поучительна. В 1939 году молодой журналист Ш. Шабунин принес в редакцию журнала «Октябрь» тошнотый и еще изрядно рыхлый роман, сразу, однако, обративший на себя внимание смелой постановкой актуального вопроса о подлинном и мнимом новаторстве. Мне довелось в свое время читать этот первый вариант романа.

Плен автора раскрылся в столкновении двух типических характеров: Василий — талантливый и смелый сталевар, с узкопартийческим складом ума, быстро обрастающий не только рекордами, но и материальным достатком, начинающий превращаться в этого знатного частника от индустрии; Дмитрий — угловатый, вдумчивый, до глубины души честный и преданный делу человек, не обладающий честолюбием и нарциссизмом Василия, но последовательный и упорный в своем стремлении до конца понять природу стахановского движения и сделать его средством стремительного роста не только производства, но и человека на нем.

Естественно, что между этими двумя людьми завязывается настоящий, глубокий, но чисто технический, а не человеческий конфликт, втягивающий многих кровно заинтересованных в его исходе людей, в том числе и жену Дмитрия. И сдался Василий Садонников не легко и не просто. Его подталкивали, стремясь использовать в своих целях, немалые силы.

Как же интересный роман превратился в серую повесть?

Редакция «Октябрь» начала работу с молодым автором. Тут было всякое: и необходимый труд над образами, сюжетом, композицией и, что греха таить, осторожная «обкатка» дерзкого, из гущи жизни возвращенного материала.

Пока прохаживали все эти переделки и доделки, гинула Великая Отечественная война. Автор лишь по окончании войны вернулся к своему роману, вернее — к работе над ним совместно с редакцией «Октябрь».

Редакция послала его на Урал «освежить» проблематику, а у автора не хватило решимости, коли уж так, перенести роман заново.

Началось приспособление старых ситуаций к новой действительности, реальные связи с жизнью ослабли, повальные, образы героев неудержимо потускнели, и роман потерял свою остроту и четкую идейную направленность. Он стал литературным перебором отшумевших в других книгах вопросов, а его герои стали вариантами уже известных читателю персонажей.

В таком виде он не поправился даже поининой в его вынужденном малокровии редакции «Октябрь».

Желая так что-нибудь о рабочем классе, не стремясь при этом сконцентрировать максимум места, редакция «Нового мира» опубликовала «Стахановцев», сократив их ровно в три раза. При этом из повествования ушло уже все конкретное, живое, что там еще оставалось. То, что получилось в итоге этой беспощадной операции, было названо повестью. Не удивительно, что повесть вышла серой.

Для того, чтобы книга была яркой, оригинальной, не нужно ничего сверхъестественного в образах и сюжете, но нужен свой взгляд на действительность, выраженный в типических и вместе ярко индивидуализированных характерах людей. Ведь и Алена Ювонин и Андрей Юванов — обыкновенные, хорошие советские инженеры и передовые люди, но каждый из них живет в литературе своей жизнью.

Творческое проникновение писателя в действительность помогает ему увидеть в ней ведущие черты человеческого характера и отразить их в психологически убедительных образах живых людей.

ФЕЛЬТОН О тех, кто за нами

Вам, верно, случилось не раз и не пять у будки стоять телефонной и ждать, покамест там, в будке, какой-то

Решится прервать разговор телефонный. Вы, верно, стучали монетой в стекло. Кричали, что время его истекло. Что все ожидает влюбленного лично. Что это, в конце-то концов, несприлично. И вот, оборвав разговор телефонный, Краснея, выходит смущенный

И вы, наконец-то, заходите в будку. Зашли вы как будто туда на минуточку. Но тут же застряли, забыв обо всем... Беспечно болтая о том и о сем. Вы мило смеетесь и хмуритесь в стекло. На тех, что монетой стучатся в стекло: «Подумайте — спешка!»

Вы тут же забыли. Вы, что, не недавно другим говорили, Вас это не может уже волновать... Но тут фельтоном мы должны

Василий Скрипичин — писатель

И все вы читали его, очевидно. И трудно поверить, что этот поэт Известен всего только несколько лет. Член трех редколлегий и двух

Недавно был малоизвестным поэтом, Хоть, впрочем, поэмы, что признаны всеми, Уже им написаны были в то время. О, как обивал он пороги редакций, О, сколько он выслушал длинных нотаций —

И то, что, мол, классиков надо читать, И то, что, спешить, мол, не надо в печать.

Как много тогда он потратил усилий На то, чтоб стихи напечатаны были, Энергии этой хватило Б затем.

На пять новых книжек, на десять поэм... Член трех редколлегий и двух редсоветов Теперь молодых поучает поэтов, Но мы здесь заметить должны, между прочим,

Что он не торопится очень помочь им. Как член редколлегий, Василий Скрипичин

Лишь только маститых печатать стремится, Как член редсоветов, Скрипичин Василий

Упорно печатает тех лишь, кто в силе, Твердая молодость, что стремится в печать

Не нужно. А нужно побольше читать. Забыл очень быстро любить нотаций, Как сам обивал он пороги редакций.

Мы часто друг к другу внимательны мало, И это, товарищи, нам не пристало. И кончить хотим мы простыми словами: Давайте же помнить о тех, кто за нами!

В. БАХНОВ, Я. КОСТЮКОВСКИЙ

Для младших зрителей

«Вовка-укротитель» Мамочка, это же очень интересно, пойдем посмотрим, и тебя прошу, ну, мамочка!

И вот настоящий мальчуган сидит в темном зале и с нетерпением ожидает, когда же, наконец, появится на сцене этот отважный Вовка, рядом с именем которого стоит такое смелое слово: «укротитель». Но Вовка оказывается совсем не храбрым мальчиком, и хотя он обманулся театральным пожарником и свою новую приятельницу Яльку, присвоив себе столярную профессию, обман его скоро открывается. Робота и зрительном зале весело смеются над трусостью Вовки; он боится даже маленькой собачки, а страх перед «бенальским тигром» (в шкуру которого переоделись пожарник) заставляет его послушно прыгать через обруч.

История с Вовкой составляет сюжетную основу интересного эстрадного представления для детей (авторы В. Коростылев и М. Львовский) и несет в себе важную воспитательную мысль. Путешествуя вместе с Вовой и Ялкой по театру, зрители убеждаются в том, что в любом деле главное — это умение и упорный труд. Ведь Вовка кажется, что очень просто быть музыкальным эстрадным артистом, но на поверку у него ничего не получается. А вот Аркадий Рыбкин, который не из большого старика Вовки, прекрасно исполняет на акцифоне свой номер, так же как легко и ловко работает вместе со своим отцом маленький акробат Виталий Лаврентьев...

Режиссер спектакля заслуженная артистка РСФСР Наталья Сап очень органично ввела отдельные эстрадные номера в ткань спектакля, проявила немало выдумки, добилась хорошего актерского ансамбля (что, к сожалению, не всегда бывает в эстрадных представлениях). Ребята с восхищением следят за чудесами феи-Затен (арт. Е. Гомза), отличной работой жонглеров В. Котляк и В. Метелина, акробатов Е. Мельниченко и А. Анулинкиной, изящно и выразительно исполняющей хореографическую сценку «Юнона и Мина», смеется над забавной интермедией о тончайшем поучающем. Интересные номера — программы не заслонили от зрительского приключения «Вовка-укротитель», а следовательно, и ту мораль, которая свободно и ненавязчиво входит в сознание детей. В этом большом заслуга режиссера и исполнителей центральных ролей спектакля Л. Волкомировой (Вова), Т. Ветровой (Ялька), В. Лейкиной и Е. Васильева, сумевших тактично, не впадая в гротеск, сыграть ролей Вовы и М. Гаркани, несмотря на исполненную роль пожарника.

Московская государственная эстрада сделала хорошее дело, подготовила увлекательное детское представление не времем школьных каникул. И тем более обидно, что это полезное творческое начинание губится плохой организацией. Ведь немало детей проводит свой летний отдых в городе и с удовольствием посмотрели бы этот спектакль. А между тем зрительный зал эстрадного театра «Эрмитаж» был далеко не полон. Почему? Да потому, что никто в Мосэстрате не позаботился о том, чтобы организовать зритель, договориться о коллективных посещениях спектакля. И вот после десяти представлений в «Эрмитаже» «Вовка-укротитель» не показывается зрителям. А разве нельзя было перенести спектакль, скажем, в Центральный парк культуры и отдыха, Сокольнической или Измайловской парки и т. д.?

К сожалению, такие детские спектакли вообще редкие гости на эстраде. Думается, что Мосэстрада, Главному управлению театров и музыкальных учреждений надо позаботиться о подобных представлениях, которые принесут немало радости детям.

Н. ИГНАТЬЕВА

ЗА ВЫСОКИМИ ГОРАМИ...

В окошке самолета — куда ни глянешь — суrowые горы. Они закрыты облаками, другие сверкают на солнце снежной беллиной.

Горы кажутся безлюдными. Но стоит лишь присмотреться... Вот бегают в скалах палатки — здесь, напером, живут геологи. Но по причудливо извивающимся горным дорогам идут автомобильные колонны — быть может, в далекий Хорго, центр Памира... А вот и платины аэктростанций, паутинная сеть оросительной системы, и, наконец, долины, утопающие в зелени фруктовых садов или разделенные на прямоугольники хлопковых полей... Какой понадобился упорный труд, чтобы в местах, веками считавшихся неприступными, проложить дороги и соорудить электростанции, засеять хлопком и вырастить сады!

И уже в Сталинабаде, беседа с писателями, журналистами, издательскими работниками о литературных делах, вновь возвращает к этой мысли. Возвращает, потому что сегодняшний день республики, полный трудовых забот, еще не отражен в литературе. Писатели Таджикистана, составляющие сильный отряд советских литераторов, в большом долгу перед вахскими хлопкоробами, перед строителями Кайракумской гидроэлектростанции — самой мощной в Средней Азии, перед шахтерами Шураба. Об этом с трепетом говорилось на III съезде советских писателей Таджикистана. Многие писатели в дни съезда обещали энергичнее разрабатывать современную тему.

Прошел почти год. А обещания пока так и остались обещаниями. Писатели — большинство их живет в Сталинабаде — крайне редко и на очень короткие сроки выезжают за пределы столицы: обычно для встреч с читателями, выступлений с чтением своих произведений. Как ни полны подобные встречи, их недостаточно для того, чтобы глубоко изучить героев нашего времени, разглядеть новое в труде, во взаимоотношениях людей, в быту.

Известно, что, когда писатели погощны проблемами современности, очерк — боевой, оперативный жанр литературы — пользуется широким распространением. Спаян интерес к этим проблемам — очерк обречен на прозябанье.

Проблемный, раскрывающий характеры людей, мастерски написанный писателем очерк — редкое событие в республиканской печати. Не может похвастать своими очерками орган Союза писателей Таджикистана журнал «Шарки Сурх» — в этом году напечатан лишь один. Безнадёжно устаревшая очерки в альманахе «Литературный Таджикистан», который, к слову заметим, находится в тяжелом положении и выходит крайне нерегулярно. Вне поля зрения писателей, очеркистов остались, например, такая острая жизненная проблема, как борьба хлопкоробов-новаторов за посев хлопчатника узкими междурядьями. Никто из писателей не рассказав о позитивном героическом труде хлопкоробов, о напряженной работе партийных организаций Таджикистана, возглавляющих упорную борьбу за высокий урожай хлопка.

Самой собой разумеется, что очерки, как бы ни были они хороши, не заменяют крупных произведений. Но слабость очерковой литературы свидетельствует, что многие писатели Таджикистана недостаточно внимания уделяют злободневным вопросам. А это — непустошное препятствие для создания произведений большого масштаба о людях наших дней.

Многие литераторы Таджикистана справедливо сетуют на то, что забыты те хорошие традиции, когда писатели активно участвовали в строительстве Большого Ферганского канала или Намрекого тракта и создали на этой основе интересные произведения. Часто приходилось слышать: «Мы превращаемся в кабинетных работников, почти никогда не едим, мало видим». Да от кого же, как не от самих писателей, зависит подомать эту «кабинетную» жизнь?

Что-то из таджикских писателей шутиливо заметил: «Наша организация состоит из одних поэтов». В шулке этой есть известное зерно истины. Лишьнюю долю времени, вынужденную в последнее время таджикгогосиздатом, составляет поэзия. Не может пожаловаться на поэтов и журнал «Шарки Сурх» — редкий номер обходится без нескольких стихотворений, цикла стихов или поэм.

Сила и зрелость таджикской поэзии, опирающейся на богатейшее классическое наследие, — факт острадный. Радует и то, что в стихах все увереннее звучит современная тема. Но именно поэтому необходимо уделять значительно больше, чем поэзии, внимание другим, «отстающим» жанрам литературы. И Союз писателей, и издательство, и журнал должны особенно бережно поддерживать все удачное и новое, что дает прозаики и драматурги.

В последние годы набирает силу таджикская проза. Создано несколько крупных произведений, чаще стали появляться рассказы, выступили молодые способные прозаики. Обширные творческие планы писателей; задуман ряд повестей и романов. И все-таки прозаические произведения лишь мало. Не оттого ли печатание повести С. Улуг-заде «Утро нашей жизни» в журнале «Шарки Сурх» было растянато больше, чем на год? Вот и сейчас в портфеле редакции только две небольшие повести и материалы архива С. Аяни.

Еще более тревожно положение в драматургии. После III съезда писателей Таджикистана появилось лишь одно драматическое произведение — пьеса Дж. Икрами «Дождики», представляющая собой инсценировку одноименного романа С. Аяни. Театры республики испытывают острую нужду в пьесах местных авторов.

«После такой большой школы, как Второй всесоюзный съезд писателей, мы не

имеем права только играть словами... Общезнакомова, всякая такая нектар, не лавать настоящего меда неповторительно» — рассказывал о своих впечатлениях делегат съезда Дж. Икрами. Но прошло уже немало месяцев после Второго всесоюзного съезда, а зарплата, которую получили на съезде писательские организации, не вызвала у литераторов Таджикистана подъема творческой активности.

Задумано, правда, немало: и обсуждение проблем развития сегодняшней таджикской прозы на основе повести С. Улуг-заде «Утро нашей жизни», и дискуссия о принципах перевода произведений Маяковского на таджикский язык; задумано собрание, на котором должны быть проанализированы некоторые критические и литературоведческие статьи, и еще многое, многое другое. Но все это осталось пока на бумаге. Вернувшись со съезда, делегаты отчитались перед писателями Сталинабада; состоялся несколько интересных встреч с читателями; президиум правления Союза писателей и творческие секции составили серьезные планы — и все...

Идет время, подготовка дискуссий затягивается, обсуждения откладываются... В творческих секциях, если и обсуждают новые произведения или подготовленные авторми сборники, то только лишь с «утрагитарной» целью: рекомендовать таджикгогосиздату для издания или же рекомендовать, указать, что следует автору перед опубликованием «дотажить», а что уже готово и в доработке не нуждается. Конечно же, и такие обсуждения — необходимое и полезное дело, но можно ли этим ограничиваться?

Во многом, надо сказать, виноват Союз писателей: редко здесь доводится до конца хорошие начинания, осуществляются плодотворные замыслы — все еще не выработалась привычка к коллективным формам работы. А ведь хорошо налаженная организационная деятельность стимулирует рост творческих сил литераторов.

Недостаточно активности и настойчивости проявляется в Союзе писателей Таджикистана и в работе с молодыми писателями. Правда, после съезда создано литературное объединение при журнале «Шарки Сурх», запланированы очередные курсы-конференции, взяли шефство над молодыми некоторые опытные писатели — М. Миршакар, А. Дехоти, С. Улуг-заде и другие. Но попрежнему трудно найти в печати глубокий, развернутый обзор творчества начинающего литератора, принадлежащий перу опытного критика или писателя старшего поколения, хотя всем известно, что доброжелательная и строгая критика — одна из наиболее действенных форм учебы молодых. Попробуем Союз писателей слабо помогает литературной молодежи в издании их произведений. А поскольку эта, по нашему мнению, необходима, ибо таджикгогосиздат почему-то весьма неохотно печатает книги молодежи. За последний год не появилось ни одной первой книги молодого писателя.

С 1948 года выступает в периодической печати способный поэт Ф. Ансори. Его песни пользуются популярностью. Но пока не вышло ни одного сборника стихов Ансори. Не напечатаны две его поэмы, хотя о них говорят в Союзе писателей, как об интересных произведениях. Не снижая требований к молодым, можно, однако, решительнее требовать от издательства выпуска их книг. Дело дошло до того, что некоторые молодые (например, одаренная поэтесса С. Гульчехра), потеряв надежду издать свою книгу, пишут все меньше и меньше.

Не нужно много говорить о том, как велика деятельность издательства на литературном, стимулируя или тормозя ее рост. Так, некоторые существенные недостатки поэзии молодых объясняются тем, что они плохо используют лучшие традиции классиков. И это происходит не из-за нерадивости или неверного отношения к проблеме освоения культурного наследия прошлого, а из-за того, что молодое поколение не может познакомиться с многими бессмертными образцами великоллепной таджикской поэзии — до сих пор они не изданы.

Писателей не удовлетворяет работа таджикгогосиздата, и их многочисленные претензии в большинстве случаев справедливы. Но сами они не проявили ни должной решительности, ни должной энергии, чтобы навести порядок в издательстве, чтобы сделать редакционный совет (кстати, в этом году вообще не собиравшийся) органом, осуществляющим постоянный общественный контроль и направляющим работу таджикгогосиздата по выпуску художественной литературы.

Высокий уровень творческой активности, постановка в творчестве острых проблем современности — вот чего сейчас не хватает таджикским писателям. Только преодолев эти недостатки, можно успешно двигаться вперед — и никто, кроме самих писательской организации Таджикистана, этого сделать не может. Но есть вопросы, — и творческие и организационные, — для решения которых требуется помощь Союза писателей СССР. Поэтому необходимо укрепить связь Союза писателей СССР с таджикскими писателями, сделать систематическую — а не только в дни съездов и юбилеев — живое общение с ними, знать их нужды.

Далеко от Москвы, за высокими горами, находится содружный Таджикистан. Но там, как и во всех уголках советской земли, упорно трудятся колхозники и рабочие. И литература Советского Таджикистана — а у нее есть для этого все возможности — должна быть активной участницей нашей великой стройки.

Л. ЛАЗАРЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

СТАЛИНАБАД

Встреча в селе Политотдельском

РОСТОВ-на-ДОНУ. (Наш корр.). На встречу писателей с читателями в селе Политотдельском, Матвеево-Курганского района, собралось больше трехсот колхозников, механизаторов МТС, специалистов сельского хозяйства, учителей, врачей и учащихся средней школы.

Читатели высказали свои замечания о повести М. Никулиной «На тесной земле» и сборнике В. Фоменко «Рассказы». Старшая инструкторка О. Кузьменко, главный агроном МТС Ю. Лисовский, комбайнер И. Фавеев, колхоз



Мадлен РИФФО, французская писательница

Надежда Нам-Бо

История и любовь соединили их сердца. Л. АРАГОН

ЭТО было в Северном Вьетнаме поздним вечером на исходе мая. Воздух, наполненный ароматом трав, воды и цветущих лимонных деревьев, был чист и прозрачен. Пользуясь вечерней прохладой, группа добровольцев, восстанавливавших мост, не прекращала работу. В наступившем полумраке движения людей — война пручила их жить и трудиться по ночам — были точными и уверенными.

В почти кепела работа, в ночи звенела песня. Мелодия была старинная, но голос певца звучал молодо. Наигрывая на банджо, Као пел звездные песни юга: эти напевы часто доносятся с рыбачьих лодок, плывущих по Меконгу (название, означающее в переводе — Благоуханная река). И молодежь, собравшаяся вокруг певца, — кто полюбил, кто сидит на корточках, — вдруг примолкла. Потому что это звучал голос Нам-Бо*, голос страны, южная часть которой еще окутана мраком, голос разрозненного надвое сердца Вьетнама.

— Я расскажу тебе историю этой любви, — сказал мне Као.

Дело было в ту пору, когда вьетнамская Народная армия входила в Хайфон, а пятая зона во исполнение Женевских соглашений передавалась под контроль правительства Дыема**. И находился в этом районе вместе с группой артистов.

Ты была в Хайфоне и знаешь, какими долгими казались его жителям дни, предшествующие освобождению. Но для нас, для тех, кто находился на юге, все было иначе. Время летело быстро, слишком быстро, оно мчалось, закусив удила. Нам хотелось остановить его, удержать, привязать к стволу бамбука, как порывистого коня. Люди твердили: «Сегодня он еще здесь. Мы в безопасности, мы счастливы. Еще 26 часов, еще 14 часов, еще 5, и они съдут в лодки. С ними ульвет наше счастье» (ты, конечно, поняла, что «они» — это солдаты Народной армии).

...До отплытия оставался всего один день. Когда мы уже расположились на берегу в Бон-Соне, в наш отряд пришла девушка, нежная, точно цветущий персик. На ней была одежда женщины

Нам-Бо: широкие черные панталоны и короткая белая куртка.

Должно быть, она проделала долгий путь — ее одежда пропиталась потом и пылью. «Не знаете ли вы солдата Каю?», — спросила она меня.

Потом, когда мы уже отплыли, Кой сам рассказал мне всю историю.

Ли и Кой родились в пятой зоне, между синим морем и горами. Здесь была стратегическая зона. Во время войны она не однажды становилась ареной жестоких партизанских битв и не раз терпела голод. Неподалеку от родной деревни Ли и Коя течет красивая прозрачная река Ту-Бон. Вдоль ее берегов тянутся плантации тутовых деревьев, где бедняки трудятся на помечиков. Работали круглый год в поте лица, а питались одной соломой. Здесь, под тутовыми деревьями, часто встречаются влюбленные. Они встречаются в вечерние часы, когда рыбаки выходят в море на своих традиционных лодочках. Поникшие паруса этих лодок довершают их сходство со сказочной птицей: у этой птицы было всего лишь одно крыло, и летала она поэтому всегда со своей парой...

Сердца Ли и Коя соединились в любви и борьбе, соединились прежде, чем они сами признали себе в этом. Они еще были детьми, когда деревня подверглась истреблению, ее «очистили» от всякой жизни. Газеты во Франции в свое время опубликовали фотографии, на ней были видны отрубленные головы, повешенные за волосы на ветвях деревьев... Это фотографии деревни Ли и Коя. Юноша и девушка бежали, скрывшись в болотах. Но с того дня в их сердцах не угасал отблеск пожара, уютножившего родному дереву.

Уцелевшие жители возвратились на пепелище и отстроили свои хижинки. Они возродили жизнь на пустом месте и снова начали борьбу. Вот како-

ва наша Нам-Бо — «стальная крепость родины», как называли ее дядя Хо* и весь народ.

Борьба была трудной, но каждый повторял: «Враг поохот на солнце перед закатом: он еще ухрибится, но вот-вот погаснет, а мы — точно блещущий ключом своим родник, точно разгорающийся ярким огнем молодой пламя. Мы можем и будем идти вперед...»

Прошло два года, и война разлучила Коя и Ли. Но недавно, за несколько недель до нашего отплытия, Ли случайно узнала, что соединение Коя находится в Бон-Соне и готовится к отплытию на север. Она решила защитить свое счастье (подобная решимость со стороны девушки показала бы просто несерьезность всего несколько лет назад, в эпоху феодального гнета и узаконенной продажи девушек!).

Одна-единственная, с маленьким мешком за плечами, она прошла более сотни километров. Не боясь встречи с тиграми, через леса и потоки, как уже не раз ходила во время войны...

Не опоздал ли она? Поспел ли к отплытию? Сколько раз в ее короткой жизни девушка опережала война — и тогда, когда погиб ее отец, и тогда, когда горел ее дом!...

Кой и Ли пережили несколько часов счастья. И и сейчас еще вижу их такими, какими они были в час отплытия: лицом к лицу на фоне золотистого пляжа, синей воды и кокосовых пальм. День был солнечный, белые бабочки порхали в воздухе. Верь мне, их голос не был грустным, когда они сказали друг другу: «До свидания!».

Надежда Нам-Бо поднимается к солнцу, как молодые ростки риса...

Вьетнамский народ хочет трудиться во имя мира

и жизни. Нам-Бо с его плодородной землей, Нам-Бо, где бьются сердца его отважных жителей — мужчин и женщин, восемь лет участвовавших в деятельности Сопровращения. Нам-Бо не жаждет становиться военной базой, непоколебимой Южной Кореей. Нам-Бо ждет всеобщих выборов...

Кой и Ли тоже будут ждать, как ждут многие другие молодые люди Вьетнама.

Их счастье зависит от счастья их родины...

Ночь в Северном Вьетнаме была теплой, и удары молотков казались бинением ее сердца. В вышине над мостом, уже почти восстановленным, блеснул молодой серп луны, острый, как тигровая трава. Этот лунный серп напомнил мне старинную песенку о разлученных влюбленных: «Кто разрезал луну на две половинки? Одна половина освещает одинокую подушку невесты, А другая половина — дорогу, по которой уходит странник...»

Кто хочет разделить мир на две части — в целях войны? Кто хочет разделить на части страны, кто хочет разделить влюбленных — путем войны? Но нет! Мощная поступь народов мира заглушает слова старинной песенки...

Никто не может помешать свободному ветру, летящему из Ханоя, донести до Сайгона весть об успехах мирного труда. Донести звуки счастливых песен крестьян, ставших, наконец, хозяевами своей земли.

Для птиц, для идей, для любви, для солнца и ветра не существует временной демаркационной линии на земле и в небе Вьетнама.

Мир нужен для счастья Коя и Ли.

Великое течение, которое несет их навстречу друг другу, должно стать более могучим, чем усилия тех, кто надеется сжечь Женевские соглашения в пламени войны.

Борясь за дело мира, мы боремся за счастье Коя и Ли.

ВЬЕТНАМ

Что же мешает объединению Германии?

Когда читаешь высказывания некоторых западных газет о проблеме объединения Германии, невольно вспоминаются представители одной из школ современного субъективного идеализма — так называемой семантической философии. Семантики, как известно, уверяют, будто слова — это лишь чистая условность, простые комбинации звуков, никак не связанные с действительностью. Нашелся даже философ, который изобрел несколько десятков новых слов, чтобы заменить обычные слова.

Иные английские и американские журналисты явно не прочь прибегнуть к этому методу. На языке у них — слово «объединение», на уме — совсем другое: парижские соглашения, милитаризация Западной Германии, включение всей Германии в западный военный блок. На их условном лексиконе, изобретенном для замены общезвестных понятий, стремятся к воссоединению Германии на миролюбивой и демократической основе, повидимому, не значат стремиться к ее объединению.

Так, лондонский «Таймс» пишет, будто бы созданию сильной объединенной Германии «русские всегда предпочитали — да, пожалуй, и сейчас предпочитают — сохранение разлада страны». Что стоит подобной утверждения, показало заявление ТАСС по германскому вопросу, где подчеркивается, что Советский Союз неизменно ставил вопрос объединения Германии на первое место. А западные державы? Уже после заявления ТАСС «Нью-Йорк таймс» пишет: «основная цель» Запада — это включение Германии в Атлантический союз. Сказано совершенно ясно!

Западные газеты полны заявлений самых различных по своим взглядам политических и общественных деятелей, которые требуют, чтобы единство страны не приносилось в жертву военным планам. Например, фон Бонин, бывший полковник германского генерального штаба, подчеркивает, что с помощью «политики с позиции силы» нельзя добиться воссоединения Германии. «Наше воссоединение», — сказал он, — зависит в значительной степени от разрешения вопроса о военном статусе будущей объединенной Германии».

«Если объединенной Германии будут обеспечены свобода и безопасность», — спрашивает видный общественный деятель ластер Моалльский, — то для чего тогда нужны германские дивизии в Североатлантическом пакте под американским верховным командованием? Газета «Нью Рейн-Цейтунг» прямо пишет, что если будут настаивать на включении объединенной Германии в военные союзы, то переговоры «неизбежно достигнут провала».

Многие западногерманские газеты резко критикуют политику бонских правящих кругов за отсутствие самостоятельности и пренебрежение интересами Германии.

Нельзя не видеть, что эти высказывания отражают настроения самых широких кругов населения Западной Германии. Не случайно в состоявшихся в 1954 году и в первой половине нынешнего года выборах в ландтаги шести западногерманских земель главная правящая партия бонской коалиции — ХДС потеряла сотни тысяч голосов избирателей. Показательны и серьезные разногласия в другой партии правительственной коалиции — «общегерманском блоке», которые привели двух министров к решению выйти в отставку. Такова реальная действительность.

Трезвый взгляд на вещи заметен и в ряде выступлений англо-американской прессы. Так, английский журнал «Комментарии ревью» в своем июньском номере опубликовал статью о германском вопросе. «До недавнего времени», — говорится там, — мало кто из немцев соглашался даже обсуждать планы объединенной, независимой, нейтральной Германии, свободной от военных союзов. Сейчас люди во всех партиях, в том числе близких к Аденауэру, ищут замену постоянному разделу, в котором, как они опасаются, могут привести парижские соглашения. Кроме того, перевооружение совершенно непопулярно».

Немцы на западе Германии, о которых пишет журнал, — это не русские горняки, не гамбургские докеры, не люди труда, борющиеся в течение десяти послевоенных лет за мир и единство страны. «Комментарии ревью» говорит о настроениях среди тех кругов, на которые возлагали свои надежды сторонники включения Германии в агрессивные блоки. И, как признает английский журнал, даже и эти круги все больше проникаются сознанием угрозы, которую несет национальным интересам Германии, ее судьбе, как великой державы, «политика с позиции силы».

Не говорить о проблеме единства Германии — невозможно, и вот кое-кто пытается говорить об этом на условном языке. Вот почему «Таймс» и некоторые другие органы западной печати спешат усомниться в том, как относится Советский Союз к объединению Германии. Можно подумать, будто не послевоенная политика западных держав привела к расколу Германии! Даже из мемуаров таких американских политических деятелей, как Корделл Халл и Гарри

Попкинс, можно видеть, что именно западные державы еще во время войны выдвигали планы расчленения Германии!

В эти дни гамбургская буржуазная газета «Ди вельт» напечатала статью своего главного редактора Ганса Церера под заголовком «Что хочет Россия?». Побывав недавно в Москве, этот западногерманский журналист убедился в том, что Советский Союз стремится к миру. Он пишет, что Советское правительство желает действительного соглашения с Германской Федеральной Республикой. «Установление дипломатических отношений с Федеральной Республикой», — подчеркивает Церера, — равно как и установление экономического и культурного обмена, без сомнения, мыслится как начало развития, в конце которого может встать вопрос о воссоединении Германии».

Статья гамбургской газеты показывает, что в ноте Советского правительства правительству Германской Федеральной Республики немцы на западе Германии выдвигают требование помочь разрешению главной общенациональной проблемы немецкого народа — восстановлению единства страны. Тем более странно, что «Нью-Йорк таймс» и некоторые другие органы американской печати задаются вопросом, «как отнестись к потенциально опасному советскому приглашению приехать в Москву, которое было направлено канцлеру» Аденауэру. Позволительно спросить: какую «опасность» американская газета усматривает в стремлении Советского Союза к нормализации отношений с Германской Федеральной Республикой, что соответствует, как указывалось в ноте, «не только национальным интересам Германии и Советского Союза, но и интересам укрепления мира и безопасности всех европейских государств?»

Конечно, по некоторым причинам эти факты неприятны тем, кто принужден все же говорить о единстве Германии. И как здесь снова не вспомнить философ-семантиков, которые, отрывая слова от фактов, обещают, что когда-нибудь мыслительные машины упрядят необходимость мыслить и даже будут предсказывать ход истории. Иные высказывания западных газет о германской проблеме выглядят, как слова, оторванные от фактов. Но история идет своим путем. Советская политика в германском вопросе исходит из того, что идея единства Германии неизбежно проложит себе дорогу. В создании единой, независимой, миролюбивой Германии заинтересованы все народы. Для этого есть один путь — путь переговоров.

Мыльные пузыри Маккарти и Ноулэнда

Политический «климат» в США улучшается. Об этом ежедневно сообщают американские газеты. Общественное мнение все решительнее и настойчивее требует мира, переговоров, прекращения «холодной войны».

В тяжелом положении оказались Маккарти и Ноулэнд. Оба сенатора известны своей лютой неприимчивостью, своим стопроцентным «антикоммунизмом». Их авторитет катастрофически падает. В воздухе их имена стали синонимами агрессии и реакции.

Да что там — в народе! Даже в сенате Маккарти потерял на днях поражение. Внеочередная резолюция была отклонена 77 голосами против четырех!

Эта резолюция предлагала президенту Эйзенхауэру настаивать на «освобождении» стран народной демократии от завоевания ими свободы. Не только настаивать вообще, но и поднять этот «вопрос» на совещании глав правительств четырех держав в Женеве. Сенатское большинство провалило этот провокационный проект на том основании, что, как сообщает агентство Юнайтед Пресс, «это связало бы руки президента в критический для дипломатии момент».

Маккарти теперь мечет громы и молнии. Мечет громы и политический единомышленник Маккарти сенатор Ноулэнд. Единственный — то он единомышленник, но в то же время и конкурент. Тонет Маккарти, может быть, Ноулэнд улетает стать лидером американской реакции...

Сейчас оба сенатора внесли новые, со-

перничающие между собой резолюции. Верный своему политическому безумию, Маккарти предлагал порвать дипломатические и е к е и отношения США с Болгарией, Чехословакией, Венгрией, Польшей и Румынией. И вдобавок — признать эмигрантское «правительство» этих стран, то есть считать «справительством» жалкие группы отщепенцев и изменников, бежавших в Америку от гнева народов.

Ноулэнд поступил гораздо хитрее. В его проекте резолюции не упоминается о союзе в Женеве. Ничего не предлагается и ничего не требуется. Выражается лишь «надежда» на то, что некоторые народы Европы и Азии, якобы живущие сейчас под властью «тоталитарного империализма», получат право на самоопределение.

Как бы ни была расплывчата и неопределенна резолюция Ноулэнда, она все же представляет собой некий новый шаг в сторону «холодной войны», прекращение которой требуют все народы, в том числе и американский народ. Это всенародное требование адресовано, в частности, и к совещанию глав правительств в Женеве. Демонстрация, организованная в сенате США Ноулэндом, несомненно, произведет крайне неблагоприятное впечатление на мировую общественность.

Но хочется поговорить о другом. Как все это далеко от действительности! Народы демократических стран — в Европе и в Азии — обрели за последнее десятилетие национальную свободу и независимость, создали собственные, избранные подавляющим большинством населения правительства. Во много раз возрос материальный уровень жизни в народном Китае, в

Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании. Произошла величайшая культурная революция, приобщившая к сознательному творчеству сотни миллионов людей.

Это признано всеми. Это факты действительности, которые не может отрицать даже буржуазная американская пресса. Сообщается только на два самых свежих высказывания. В газете «Нью-Йорк геральд трибюн» известный обозреватель Липман писал на днях, сопоставляя положение в социалистическом лагере и в лагере так называемого «свободного предпринимательства»: «При сравнении экономического положения оказывается, что преимущество отнюдь не принадлежит нам решающим образом». И он добавляет, что социалистический путь завоевал симпатии многих народов, испугавших на себе «испрет» капиталистического, колониального владычества: «В обширных слабообразованных районах мира западный путь не считается единственным путем». Хотя эти ценные признания сделаны в весьма осторожной форме, в устах такого апологета капитализма, как Липман, они звучат особенно убедительно.

Еще интереснее признание не менее реакционной американской газеты «Дейли Ньюс». Она сообщает о важном явлении — массовом возвращении, репатриации на родину беженцев из европейских стран народом демократии, сознанных в свое время пропагандой великого рода агентов капитализма. Поток эмигрантов, возвращающихся в страны народной демократии, пишет «Дейли Ньюс», «разрастается до тревожащих размеров. Это объясняется тем, что столько многие из этих людей выяснили, что свобода Запада заключается лишь в свободе быть голодным, безработным и ходить в лохмотьях».

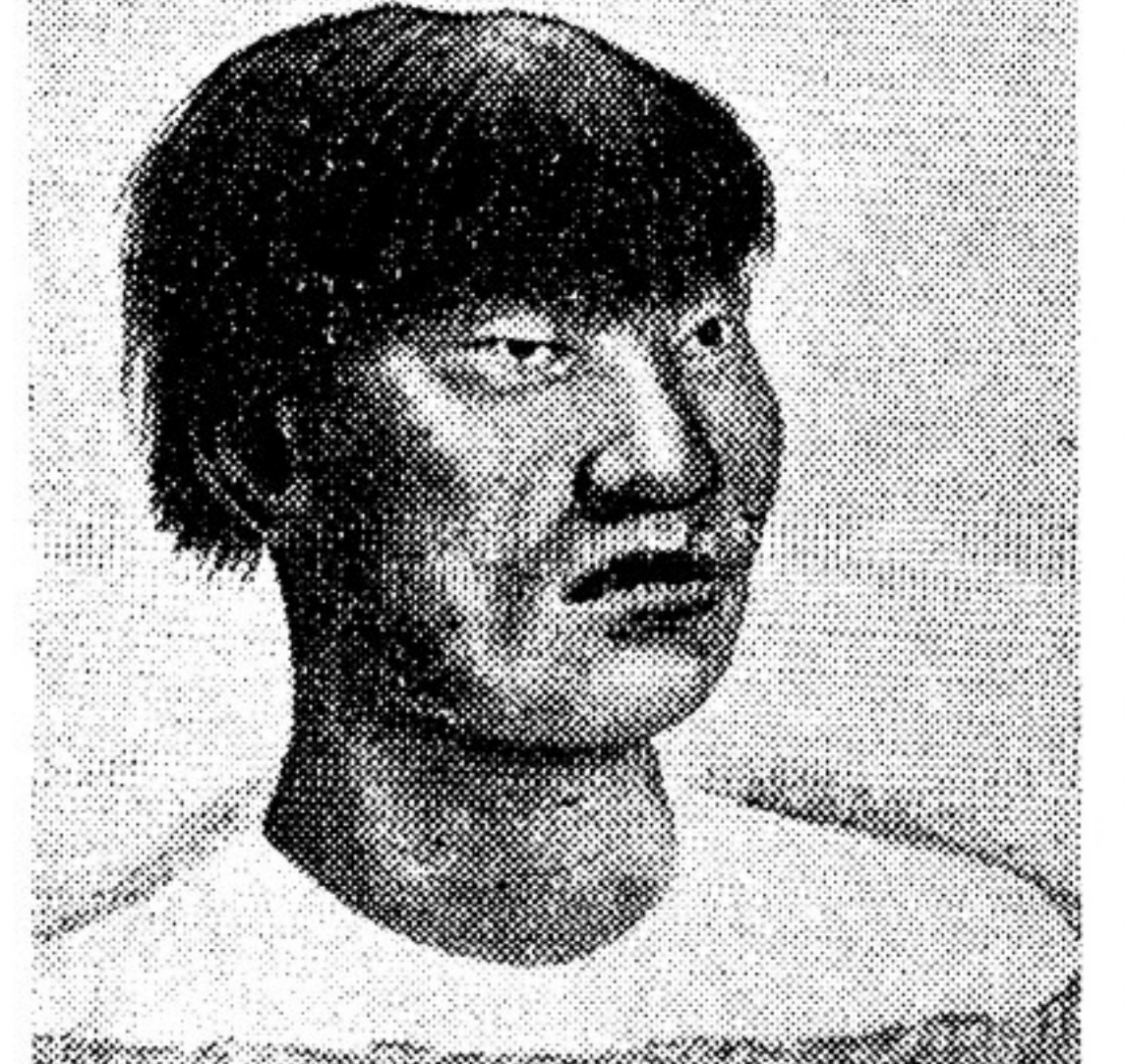
ЗАМЕТКИ ОБ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ БРАЗИЛИИ

Как сообщалось в печати, недавно в Советском Союзе побывала делегация деятелей бразильской культуры.

В связи с информацией о тех беседах, которые имела эта делегация с советскими литераторами, «Литературная газета» получила письмо читателя Ю. Климентовича (Москва). Он просит рассказать об изобразительном искусстве Бразилии.

В качестве ответа мы публикуем статью бразильской журналистки и искусствоведа Марии де Лурдес Тейшейра.

В ПРОШЛОМ возможности для развития изобразительного искусства в Бразилии были очень ограничены, и мы можем выделить из общей массы художников лишь немногих имен. Я называю здесь всего три из них. Самый выдающийся бразильский художник, без сомнения, знаменитый Алейжандино, скульптор и архитектор XVIII в. из штата Минас Жерайс. Алейжандино был выходцем из народа, мулатом. Его скульптуры и архитектурные памятники районов Куро-Прето, Сабаля, Мариана, Конгоньяс ду Кампу свидетельствуют о необыкновенно сильном, смелом и самостоятельном таланте этого латиноамериканского Микеланджело. Алейжандино, лишенный учителей, затерянный в самых отдаленных горных районах страны, человек очень болезненный, творил в эпоху, когда португальское иго было особенно тяжким в Бразилии, когда угнетенные беспощадно грабили его родину и старались подавить малейшее проявление всего национального. В этой обстановке искусство Алейжандино явилось криком возмущения против угнетения Бразилии и своей собственной немощи. Неизлечи-



Португальская. «Голова индейца» Этюд к фреске

мая болезнь подтачивала его силы, и многие из своих произведений он создавал, привязав к рукам инструменты, так как уже не владел собственными пальцами.

Крупнейшим художником прошлого века был Педру Американо, который совершенствовал свое мастерство в Европе. Его кисти принадлежат большие полотна на исторические темы, из которых особенно популярна картина, посвященная провозглашению независимости Бразилии 7 сентября 1822 года. В эту же эпоху творил Витор Мейрелес, художник-баталист, который также писал картины, изображающие эпизоды из истории Бразилии.

Альмеда Жуниор является третьим из крупнейших художников, составляющих «золотой треугольник» бразильской живописи. Ему принадлежит самая значительная роль в развитии нашего изобразительного искусства. Во Франции, куда он был направлен совершенствоваться, Жуниор приобрел блестящую технику и создал ряд замечательных картин. Однако, вернувшись на родину, он убедился, что совершил ошибку, посвятив свое творчество классическим темам, уже разработанным крупнейшими европейскими художниками, в то время как он располагал неисчерпаемыми источниками национальных бразильских мотивов. Жуниор отказался от академизма в своем творчестве и обратился к жизни бразильской деревни с населенной ее беднотой. Он изображал наших крестьян, наши девственные леса и плодородные реки и, оживившим образом, труд и повседневную жизнь нашего народа, придал нашей живописи национальный характер, которого она была лишена прежде.

Во второй половине XIX в. в начале XX в. в Бразилии было много хороших художников, однако в их творчестве не чувствовалось ярких национальных или новаторских элементов.

Таково было положение в искусстве Бразилии до появления так называемого современного течения, подъемом в развитии которого явился 1922 г., когда многие писатели, музыканты, художники объявили своей основной задачей освобождение национальной литературы и искусства от академических канонов, не свойственных нашей родине и нашему народу. Одним из создателей этого направления явился выдающийся художник Эмилиано ди Кавальканти. Большую роль в его развитии сыграли скульптор Витор Брошери, талантливый композитор и дирижер Вилла Лобос, чьи музыкальные произведения последнего периода представляют лучшие образцы бразильского искусства нового времени. Помимо этих имен, необходимо упомянуть о художниках Тарсиле ду Амарал и Аните Мальфати. Их поэтичные новаторские работы вызвали оживленные споры в печати.

В настоящее время в Бразилии вновь наблюдается усиленный интерес к изобразительному искусству. Этому способствовало создание нескольких музеев: Музей современного искусства в Рио-де-Жанейро и Музей современного изобразительного искусства в Сан-Паулу. Эти музеи являются центрами художественной жизни страны, они периодически организуют выставки и чтение лекций по искусству; при Музее современного искусства в Сан-Паулу имеются даже кинематографическое и театральное отделения. Кроме того, этот же музей раз в два года проводит международную выставку современного искусства, привлекающую всегда интерес художников и широкой публики различных стран.

Следует рассказать о борьбе идей и тенденций в современном бразильском искусстве.

* В оригинале «модернистский» движение. Но термин «модернистский» в истории бразильского искусства не равнозначен европейскому модернизму, как это видно из дальнейшего текста статьи. — Ред.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Португальцы. «Кофе»

изобразительном искусстве, разделившей ее художественный мир на два больших лагера. В одном из них находятся так называемые «фигуративисты», в другом — «абстракционисты». Объясним, что скрывается за этими терминами. Первое течение борется за реализм в искусстве, за искусство, заимствующее темы из повседневной жизни, из окружающей нас действительности. Основной задачей этого направления является реалистическое изображение человека. К этому течению принадлежат наиболее выдающиеся бразильские художники. Кисти Кандидо Португари принадлежат произведения из жизни народа и истории нашей страны. Широко известны такие его полотна, как «Переселенцы», картина, изображающая трагедию крестьян, страдающих от засухи в северо-восточных районах Бразилии, или его настольно известные работы «Тирадентес»** и другие всемирно известные работы. Вторым крупнейшим современным художником-реалистом является уже упоминавшийся Эмилиано ди Кавальканти: в его портретах, в их линиях и красках, в чисто бразильском колорите его картин вновь оживает героин повседневной жизни народа — рыбаки, ищейки, жители бедных районов города, уличные женщины.

Лазар Сегал и Кловис Грасану — сторонники боевого искусства, знатоки национальных красок и линий — с большой силой отражают в своих произведениях расовые и социальные драмы наших дней.

Нужно также назвать художницу Тарсилу ду Амарал, которая обращается к традициям и бразильским темам и легендам, вводит в них краски и колорит, заимствованные из произведений народного творчества. Значительными мастерами этого направления являются также Альдемир Мартинс, Иоланда Моаллы и другие.

Напротив, «абстракционисты» — это эстетское течение, которое ищет вдохновение и тему в самых неожиданных линиях, форм и красок без каких-либо аналогий с реальной жизнью. Иногда их композиции носят характер геометрического орнамента, иногда это просто трудно воображаемые нагромождения. Подобные художники уходят от реалистического направления, утверждая, что оно является академическим. Нужно лишь добавить, что художники-абстракционисты далеки от народа, что их произведения находят отклик лишь в узком кругу интеллигенции, хотя среди них есть и способные люди? Течение «абстракционистов» в Сан-Паулу возглавляет художник Самсон Флешор, ученик парижской школы. Группирующиеся вокруг него художники объединены в его мастерской «Ателье Абстракцион».

В Бразилии очень популярна граюра. В этой области у нас есть много специалистов, наиболее значительными из которых являются Освальдо Гозди и Ливьо Абрамо, Ренина Кац и Карлос Скляр. Последние — молодые, энергичные художники, обладающие прекрасной техникой, объединяют вокруг себя группу энтузиастов и по-боевому работают над темами, которые им подсказывает сама жизнь.

Такова общих чертах история наших художественных традиций, идущих от славного Алейжандино.

Мария де Лурдес ТЕЙШЕЙРА

** Тирадентес — вождь движения за независимость Бразилии XVIII в. — Ред.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ Уважаемый товарищ редактор!

Разрешите через Вашу газету принести благодарность всем лицам и учреждениям, поблагодарив меня по случаю 50-летия сценической и общественной деятельности.

Народный артист СССР, лауреат Сталинской премии К. В. СКОРОВОГАНОВ